Письмо госпоже Анне

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Амир Алиев

Письмо госпоже Анне

«Автор»
2026

Алиев А.

Письмо госпоже Анне / А. Алиев — «Автор», 2026

Молодая дворянка Анна Игнатовна оказывается в усадьбе властной тётушки Люси, где сталкивается с жестокостью, интригами и необычными порядками. Разлучённая с мужем, служащим на Кавказе, она вынуждена бороться за своё достоинство и место под чужой крышей. Постепенно наивная барышня превращается в расчётливую и сильную женщину, готовую противостоять всему миру.

© Алиев А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1Госпожа с длинными волосами 6
Глава 2Госпожа не играет в карты 13
Глава 3Госпожа с остриженными волосами 21
Глава 4Госпожа играет в карты 28
Глава 5Госпожа с охотничьим ружьём 41
Глава 6Госпожа-сквернословка 51
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Письмо госпоже Анне

«Скучает в тучах смертный бог
О рабских душах тяжки думы.
Скрутил их жизнь в бараний рог,
И сталисъ все ему угрюмы.
И плачут ангелы Творца,
Скрывают слёзы от отца.
Им не снести подобной муки,
Людской души они поруки.
Их слёзы льются, как дожди,
В грозу тасует Бог колоду,
И Сатана, кроваву оду
Пропев, шепнул: «Тяни, не жди!»
Под плач и ангельский их крик
Он выбрал шесть кровавых пик»

«Дорогая Аня.

Я солгал бы, сказав, что забыл день нашего расставания. Но признаюсь честно: с каждым прожитым часом мне всё труднее воскресить в памяти твое лицо. Твои зеленые глаза, твой тихий голос, твой кроткий и веселый нрав ускользают от меня, словно утренний туман. И пугает меня больше всего иное — я с трудом борюсь с искушением отгородиться от тебя холодной стеной и не назвать тебя на «Вы».

Твое прошлое письмо я проигнорировал. Прости мне эту слабость: я был безмерно утомлен и жаждал лишь одного — разрубить тот порочный круг, по которому мы с тобой обречены ходить.

Как бы то ни было, времени утекло много, стремительно, как в бурлящем горном потоке. То немногое, что я доверяю этой бумаге — лишь капля в бездне слов, которые я берегу для тебя.

Я жду тебя. Приходи, чтобы мы могли поставить в нашей истории последнюю точку. Или же вновь ограничиться многоточием и точкой с запятой, как я уже не раз привык это делать».

Глава 1Госпожа с длинными волосами

В комнате царил густой полумрак, сквозь который едва пробивался блеклый дневной свет. На Анне было строгое, наглухо застегнутое черное платье из плотной ткани, совершенно лишенное каких-либо кружев, оборок или светских украшений. Ее темные волосы были гладко зачесаны на прямой пробор и скромно собраны на затылке, отчего бледность лица и затаенная в глазах усталость казались еще заметнее.

Тяжело вздохнув и слегка покусывая нижнюю губу, она опустила прочитанное письмо на дубовый стол. Времени на раздумья больше не оставалось. Анна отвернулась от послания и подошла к раскрытому кожаному саквояжу и глубокому дорожному кофру. Она продолжила методично раскладывать свои немногочисленные вещи.

Вдруг ее взгляд остановился на свадебном портрете. На холсте она стояла рядом с мужем в роскошном белом платье с тонкой фатой, увенчанной цветами — осколок той короткой, призрачной жизни, которой больше не существовало. Анна бережно взяла картину в руки и попыталась уложить ее поверх вещей, но массивная деревянная рама никак не поддавалась, жестко упираясь в стенки дорожного сундука.

В этот момент в дверь негромко, но требовательно постучали.

— Войдите, — отозвалась Анна, замирая.

На пороге появилась мать. Ее лицо хранило то же суровое, непреклонное выражение, с которым она приняла крушение их семьи и позорный побег мужа.

— Вы готовы, Анна? — сухо спросила она.

— Еще нет, матушка. Прошу Вас, дайте мне еще немного времени собраться, — тихо ответила девушка, не поднимая глаз от поклажи.

Мать недовольно поджала губы, всем своим видом выказывая нетерпение.

— Поторапливайтесь, — строго бросила она, разворачиваясь к выходу. И, скользнув холодным взглядом по сундуку, напоследок добавила: — А портрет оставьте. Ни к чему он.

Дверь за матерью закрылась. Анна осталась одна. Оставить здесь единственную память о венчании она не могла. Решительными движениями она поддела крепления с обратной стороны, аккуратно вынула расписной холст из тяжелой рамы и бережно свернула его в тугой свиток. Спрятав полотно на самое дно саквояжа, под складки плотной ткани, она облегченно выдохнула.

По старинному русскому обычаю, перед тем как покинуть родной дом, Анна присела на дорожку. В повисшей тишине она в последний раз окинула долгим, прощальным взглядом темную, остывшую комнату — символ ее разрушенной юности. Затем, взяв свои вещи, она шагнула за порог.

После комнатного полумрака улица ослепила ее резким, бьющим по глазам солнечным светом. У ворот уже стояла запряженная карета, готовая увезти их в подмосковную глушь, в услужение к тетке Люси. Возле экипажа ее ожидала мать.

Анна выпрямила спину и, подойдя ближе, произнесла с покорной твердостью:

— Я готова, матушка.

Лакей захлопнул дверцу, отрезая их от внешнего мира, и экипаж, тяжело вздрогнув, тронулся с места.

Первый час пути прошел в тягостном молчании. Виды за окном неспешно менялись: шумные, залитые солнцем улицы Москвы, где каждый камень напоминал о потерянной жизни, сменились пыльными заставами, а затем уступили место бесконечным полям и темнеющим полосам подмосковных лесов. В карете стояла духота, и единственными звуками, нарушавшими эту мертвую тишину, были монотонный скрип рессор да ритмичный стук копыт по укатанному тракту.

Анна, утомленная этим безмолвием, от которого мысли становились лишь мрачнее, наконец не выдержала.

— Матушка, — тихо позвала она, глядя на строгий профиль матери. — Скажите, неужто у тетушки Люси и впрямь столь скверный характер?

Мать не повернула головы. Ее взгляд оставался прикованным к мелькающим за стеклом деревьям.

— Был бы у нас иной выход, — произнесла она ровным, бесцветным голосом, — я бы ни за что на свете не согласилась на это.

— У нас был иной выход, — возразила Анна, и в ее голосе проскользнула затаенная боль. — Мы могли бы дождаться возвращения Игоря.

— Уверена, мы дождемся его возвращения, — непреклонно отозвалась мать, все так же не глядя на дочь. — Жених приедет, вот увидите.

— А вот и увидела бы, не погони мы так скоро коней из Москвы, — с горькой усмешкой бросила Анна.

Мать промолчала и продолжила равнодушно смотреть в окно.

— Мне нужна матушка, которая поддержит меня и вселит веру, — голос Анны дрогнул, выдавая ее отчаянное одиночество.

Но этот призыв разбился о холодную рассудочность. Мать медленно повернулась к ней, и в ее глазах не было ни капли жалости.

— Вам нужна матушка, которая говорит правду, а не питает вас слепыми надеждами. С Кавказа, Анна, либо вовсе не возвращаются, либо возвращаются совершенно другими людьми.

Анна вспыхнула. Слова матери ударили по самому больному, и девушка ответила с дерзостью, от которой сама внутренне содрогнулась:

— Вы судите об этом лишь понаслышке, дорогая матушка. Не мой ли отец бросил нас ради парижской… распутницы? Он, если мне не изменяет память, не бывал ни на Кавказе, ни на войне. Единственная война, которую ему довелось пройти — это война с вином и картами. А война на два фронта, как известно, добром никогда не кончается.

Слова повисли в воздухе тяжелым укором. Мать лишь поджала губы. Она ничего не ответила, отвернулась и продолжила смотреть в окно, словно дочери не было в экипаже.

Спустя несколько долгих минут, желая сгладить собственную резкость, но всё еще чувствуя обиду, Анна добавила:

— Смею надеяться, Вы рады, что отныне Вам не нужно будет кормить лишний рот. Ибо я глубоко сомневаюсь, что обещанное тетушкой завещание вообще будет когда-либо исполнено.

Мать не шелохнулась, но ее следующий ответ прозвучал холодно, расчетливо и пугающе буднично:

— Если узнаете, что завещание подписано — травите её и возвращайся домой.

Анна опешила, во все глаза глядя на женщину, сидевшую напротив.

— Неужели ваша родная сестра настолько вам неприятна? — выдохнула она, не веря собственным ушам.

— Я не хочу этого, — голос матери стал глуше, в нем проскользнула застарелая, ржавая ненависть. — Но там вы узнаете, до какой степени можно ненавидеть человека. Она капризна, избалована. Не чтит ни законов божьих, ни людских.

Повисла пауза. Анна, стараясь сбросить наваждение от страшных слов матери, слабо, но ободряюще улыбнулась:

— Вы же не к самому дьяволу меня везете, матушка. К тому же, у меня есть немалый опыт общения с вредными натурами.

Мать наконец посмотрела ей прямо в глаза, и в ее тяжелом взгляде читался безжалостный приговор:

— Тогда это станет вашим главным испытанием.

Спустя еще несколько часов изматывающего пути экипаж, наконец, сбавил ход и, мягко шурша колесами по гравию, въехал в распахнутые кованые ворота.

За густыми кронами старых деревьев показалось место их назначения — большая, основательная и с виду на удивление уютная усадьба. Главный дом с широкими окнами и светлым фасадом дышал патриархальным покоем, а чуть поодаль, в низине, безмятежно блестела темная гладь окруженного осенними ивами пруда. Глядя на этот мирный пейзаж, Анне на мгновение захотелось поверить, что мать сгустила краски.

На широком крыльце их уже встречала сама хозяйка. Тетушка Люси оказалась дамой грузной, но при этом пугающе энергичной. На ее лице играла радушная, хотя и отчетливо снисходительная улыбка.

— Ах, наконец-то! Доехали, голубушки мои! — громко воскликнула она, всплеснув руками, и, не дожидаясь долгих приветствий, властным жестом пригласила их внутрь. — Проходите, проходите скорее в дом, нечего уличной сыростью дышать!

Они переступили порог, оказавшись в просторном, богато обставленном холле, где пахло дорогой паркетной мастикой и сухими травами. Тут же, словно из-под земли, возникла дворня. Двое молчаливых лакеев проворно подхватили тяжелый дорожный кофр Анны, а горничная забрала кожаный саквояж, чтобы отнести поклажу в отведенную племяннице комнату.

Именно в этот момент, провожая взглядом свои вещи, Анна заметила первую странность, от которой по спине скользнул тревожный холодок. Вся прислуга в этом доме — и мужчины, и женщины — носила совершенно диковинные, немыслимые прически. Их волосы были острижены в высшей степени причудливо: у одних пряди были коротко выстрижены, у других — закручены в нелепые формы или укорочены странными углами, словно чья-то эксцентричная, неутомимая рука без конца упражнялась на них, как на живых манекенах. Ни единой привычной длинной косы у горничных, ни одного классического пробора у лакеев — вместо этого на их головах красовались плоды смелых, но пугающе абсурдных фантазий. Эта гротескная выставка превращала дворню в странных, комичных, но абсолютно покорных кукол.

Не дав племяннице времени осмыслить увиденное, тетушка Люси увлекла их за собой в малую столовую.

— Садитесь, садитесь! С дороги вы, верно, совсем обессилели, — приговаривала барыня, усаживая гостей за массивный дубовый стол, покрытый хрустящей белоснежной скатертью.

Анна и ее мать послушно опустились на тяжелые стулья с высокими резными спинками. Тетушка хлопнула в ладоши, отдавая немой приказ невидимым слугам. В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием Люси и тиканьем напольных часов. Обедневшие родственницы замерли в ожидании угощения, не решаясь заговорить первыми.

Тетушка Люси устроилась во главе стола. Ее цепкий, оценивающий взгляд медленно и бесцеремонно скользнул по строгим, лишенным всякой роскоши платьям гостий, словно она мысленно подсчитывала их стоимость. Уголки ее губ едва заметно дрогнули.

— Ах, дорогая Ольга! — вдруг прервала тишину Люси, картинно всплеснув пухлыми руками. — Моя любимая младшая сестренка… Сколько же долгих, холодных и одиноких зим прошло с момента нашего последнего расставания?

Она подалась вперед, и в ее глазах блеснуло жадное любопытство светской сплетницы.

— Рассказывайте же! — потребовала тетушка. — Как там этот мерзавец Игнат? Какие последние вести вы о нем слышали?

Ольга тяжело, прерывисто вздохнула. Ее и без того прямая спина натянулась, как струна.

— Женился на молодой парижанке, — сухо произнесла она. — Принял протестантство. Живет праздно и ни в чем себе не отказывает. Да и как может быть иначе, когда он вынес из дома всё добро до последней нитки.

Услышав это, Люси сочувственно зацокала языком. Она потянулась через стол и крепко, почти по-хозяйски, обхватила своими унизанными перстнями пальцами худую руку сестры.

— Ах, Оленька… Моя милая, бедная — во всех смыслах этого слова — Оленька. А ведь все вам говорили, что эта интрижка погубит вас. Сколько лучших лет своей жизни вы потратили на эту бессердечную тварь!

Ольга мягко, но непреклонно высвободила свою ладонь из цепкой хватки Люси. Гордо вздернув подбородок, она ответила:

— Я ни о чем не жалею. Если бы не он, у меня никогда бы не появилась моя милая дочь.

Услышав эти слова, Анна опустила глаза, уставившись на скатерть. В горле встал горький ком. «Лучше бы я и вовсе не рождалась на свет, — с тоскливой тяжестью подумала она про себя. — Может быть, тогда и жизнь Ваша, матушка, была бы куда краше и не привела бы Вас в этот дом».

Бесшумными тенями в столовую скользнули слуги. Они внесли тяжелые серебряные подносы и быстро расставили перед гостями блюда, от которых поднимался густой, пряный пар. Когда прислуга так же безмолвно исчезла, женщины принялись за еду.

Тетушка Люси ела с жадностью. Прожевывая изрядный кусок мяса, она подняла тяжелый взгляд на племянницу.

— Бедное вы дитё, — прошамкала она с набитым ртом. — Исхудала-то как вся. Кожа да кости, сущий ужас. Но ничего, не кручинься, тетушка вас откормит, быстро станете завидной невестой.

Анна замерла, сжав в холодеющих пальцах столовый нож.

— Прошу Вас, тетушка, не говорите так, — тихо, но с достоинством ответила она. — Я замужем и счастлива в своем браке.

Люси пренебрежительно хмыкнула и бесцеремонно ткнула в сторону племянницы серебряной вилкой.

— Да полно вам, девочка! — рассмеялась барыня. — Счастливы в браке с тем, кто пропадает на краю земли? Сами-то в это верите? Что может быть хуже, чем впустую прожигать свою жизнь в слезливых воспоминаниях о прошлом да в нелепой вере в счастливое будущее?

Лицо Анны вспыхнуло, а затем побелело как мел.

— Мне глубоко чуждо то, что Вы говорите, — произнесла она, и ее голос предательски дрогнул. — Неужто сам лукавый говорит сейчас Вашими устами? Я проведу в молитвах о возвращении мужа вплоть до седых волос, если на то потребуется воля Божья.

Тетушка Люси лишь снисходительно покачала головой. Она сгребла куском хлеба последние остатки подливы с тарелки, отправила в рот и сыто откинулась на спинку стула.

— Вы еще слишком молоды и до смешного наивны, — лениво протянула она, глядя на Анну потяжелевшими глазами. — Уверена, ваш драгоценный супруг там, на Кавказе, не пропускает ни одной юбки, что попадается ему на глаза. Только самая глупая женщина станет так покорно ждать своего сбежавшего пса.

Тяжелый дубовый стул с резким скрежетом отодвинулся по паркету. Анна резко поднялась из-за стола. Грудь ее часто вздымалась от гнева и сдерживаемых слез, которые обжигали глаза.

— Не разумею я Ваших речей, — отвечала она, глядя сверху вниз на самодовольную хозяйку дома. — Прошу меня извинить, но мне стало здесь дурно. Я видела у Вас прекрасный пруд в низине. Разрешите мне удалиться на свежий воздух?

— Уразумеете еще, милая, ох уразумеете, что я вам говорю, — ничуть не смутившись этой вспышкой, усмехнулась Люси. Она махнула рукой: — Ступайте, конечно, проветритесь.

Анна круто развернулась и почти бегом покинула столовую.

Она не помнила, как пролетела по темным коридорам, желая лишь одного — вырваться из этого удушливого дома. Выскочив на крыльцо, Анна жадно, полной грудью глотнула сырой осенний воздух. Внутри у нее всё клокотало. Быстрым, срывающимся шагом она направилась по вымощенной гравием дорожке вниз, к темнеющей глади пруда. Ее каблуки яростно вби-

вали камешки в землю. Гнев пульсировал в висках, а в ушах всё еще стоял этот сытый, жестокий голос тетки, попытавшейся одним небрежным ударом растоптать самое святое, что давало Анне силы жить.

Усевшись на сырые доски старого мостика, Анна оперлась локтями о колени и уронила подбородок в ладони. Гнев постепенно уступал место тоске. Перед ней, в темнеющей воде пруда, с тихим плеском играла мелкая рыбешка. Закатное солнце щедро заливало усадьбу густыми оранжевыми красками, превращая водную гладь в расплавленную медь. Эту меланхоличную идиллию нарушали лишь комары, то и дело с противным, назойливым жужжанием пролетавшие над самым ухом.

Минут через пять позади послышался скрип гравия, а затем легкие шаги по дереву. Анна резко обернулась. Перед ней стоял молодой человек лет двадцати. Вид его был в высшей степени нелеп: над верхней губой топорщились редкие, неровные усики, а волосы были коротко острижены жестким, торчащим во все стороны «ежиком». Одет он был до крайности просто — в обычную рубаху и простые штаны. К тому же незнакомец оказался весьма невелик ростом, едва ли выше самой Анны, которая от природы отличалась миниатюрным сложением.

— Не бойтесь, госпожа — раздался его голос, в котором сквозила странная, неподобающая дворовому человеку развязность.

Анна смерила его холодным взглядом.

— Добрый вечер… А вы и не напугали. Не представитесь ли?

Парень самодовольно хмыкнул, попытался щегольски подкрутить свой куцый неровный ус и произнес:

— Отчего же. Степан Геннадьевич. Но для вас, — он сделал едва заметную паузу, — можно просто «Степа».

Такая наглая фамильярность покоробила Анну, но она сохранила ледяной тон:

— Очень приятно. Анна Игнатовна, племянница госпожи Люси. Скажите… вы служите моей тетушке?

Степан вдруг подался вперед, явно задетый ее словами.

— Извольте! — возмущенно фыркнул он, выпятив грудь. — Так ли я похож на мужика, что сеет хлеб? Я — офицер!

Анна мысленно усмехнулась этой нелепой браваде: офицер с крестьянской стрижкой и в простой рубахе. Но вслух произнесла с безупречной вежливостью:

— Ах, извините за такую оплошность. И как это я сразу не разглядела в вас человека столь благородных кровей.

Степан, казалось, пропустил иронию мимо ушей. Его цепкий, пронырливый взгляд скользнул по руке Анны и остановился на золотом ободке.

— Анна Игнатовна, — протянул он. — Вы, как я погляжу, женщина венчанная. Скажите, где же ваш супруг пропадает?

— Он на войне, — коротко отрезала Анна, желая пресечь расспросы. — На Кавказе.

Степан скорбно опустил глаза и покачал головой:

— Примите мои искренние соболезнования.

— Ни к чему соболезнования, — вспыхнула Анна, и ее зеленые глаза опасно сузились. — Он вернется.

— Верю, госпожа, — покладисто кивнул Степан, но в его тоне скользнула едва уловимая издевка.

Анна вновь внимательно, с ног до головы, оглядела этого странного ряженого «офицера».

— А что вы, собственно, делаете у моей тетушки? — прямо спросила она. — Неужто дальняя кровь, о которой я впервые слышу?

— Что вы, — Степан криво усмехнулся. — Нет, мы не родня.

— Тогда… кто вы?

Вместо ответа Степан шагнул ближе и галантно протянул ей руку, предлагая помочь подняться.

— Узнаете, госпожа.

Анна недоверчиво посмотрела на его ладонь. Проигнорировав жест, она оперлась о доски и встала сама. Когда она выпрямилась, оказалось, что они со Степаном стоят ровно глаза в глаза.

Ничуть не смутившись ее отказом, Степан опустил руку и небрежно бросил:

— Пойдемте. Тетушка покажет вашу комнату.

Степан в полном молчании проводил ее до крыльца. В его шагах скользила раздражающая, почти хозяйская уверенность, не вязавшаяся с его нелепым видом. В светлом холле их уже ожидала Люси. Бросив на молодого человека короткий, нечитаемый взгляд, тетушка кивнула племяннице:

— Идемте, покажу ваши покои.

Комната, отведенная Анне, оказалась удивительно просторной и добротной. Тяжелая дубовая мебель, изразцовая печь, высокие окна, задрапированные плотным бархатом — всё здесь дышало достатком. Однако повсюду царил возмутительный, необъяснимый бардак. На креслах были небрежно свалены какие-то вещи, дверцы шкафа стояли нараспашку, а на туалетном столике лежал слой пыли вперемешку с обрывками бумаг, словно прежний обитатель съехал в страшной спешке или вовсе не имел понятия о чистоте.

Сославшись на головную боль, Люси ушла. Оставшись в одиночестве, Анна устало оглядела свой новый приют, и тут ее взгляд наткнулся на большую картину в позолоченной раме, стоявшую на комоде. С холста на нее взирало знакомое насмешливое лицо со щеголеватыми усиками. Это был Степан Геннадьевич, но изображен он был в военном мундире.

Анна подошла ближе. Острый взгляд, привыкший к военной форме, быстро отметил то, что прежде ускользнуло от её внимания. Степан кичился своим благородством и называл себя офицером, но портрет выдавал его с головой. На плечах мундира не было эполет, полагавшихся офицеру, — лишь погоны нижнего чина. Галун на воротнике и обшлагах тоже не оставлял сомнений: перед ней был унтер-офицер. Анна презрительно усмехнулась. Какая жалкая претензия на благородство! И всё же было весьма странно видеть портрет такого человека в барских покоях.

Смерив ледяным взглядом это самодовольное юное лицо, Анна решительно взяла портрет, отнесла его в самый темный угол и прислонила лицом к стене.

Чтобы унять внутреннюю дрожь и выплеснуть раздражение, она принялась за уборку. Анна методично собрала чужой хлам, протерла пыль, аккуратно разложила свои немногочисленные вещи в шкаф и застелила постель. Физический труд помог ей привести мысли в порядок. Когда комната засияла опрятностью и уютом, за окном уже сгустилась непроглядная осенняя ночь.

Дверь приоткрылась. На пороге стояла Люси. Окинув взглядом преобразившуюся спальню, она удовлетворенно кивнула:

— А вы умница, Анна. Настоящая хозяйка.

Анна не приняла похвалу. Она шагнула в угол, подняла перевернутый портрет Степана и, глядя тетке прямо в глаза, требовательно спросила:

— Кто это? Кто этот мужчина в мундире унтер-офицера? Он живет здесь?

Тетушка Люси ничуть не смутилась. На ее губах заиграла загадочная, почти хищная улыбка.

— Я вам всё расскажу, девочка моя, — мягко, убаюкивающе произнесла она. — Обязательно расскажу. Но завтра. А сейчас я хочу лишь пожелать вам доброй ночи.

Не добавив больше ни слова, Люси развернулась и скрылась в темном коридоре.

Анна подошла к двери и решительно задвинула тяжелый металлический засов. Чувствуя себя вымотанной, она принялась готовиться ко сну. Медленно, словно сбрасывая с себя тяжесть этого безумного дня, она сняла черное платье, сменив его на простую, свободную белую сорочку. Подойдя к зеркалу, Анна начала вынимать шпильки одну за другой. Тяжелые, длинные пряди волной рассыпались по плечам и спине, принося долгожданное облегчение стянутой коже головы.

Погасив единственную свечу, она скользнула под прохладное одеяло. Гнетущая тишина старого дома давила на уши, но усталость взяла свое. Едва голова Анны коснулась подушки, она закрыла глаза и мгновенно провалилась в спасительный, глубокий сон.

Глава 2Госпожа не играет в карты

Утренний свет едва успел окрасить небо в тусклые серые тона, когда тяжелый, спасительный сон Анны был безжалостно прерван. В дубовую дверь резко и требовательно постучали.

— Анна! Вставайте, нечего бока пролеживать! — раздался из-за двери скрипучий, властный голос тетушки Люси. — Одевайтесь и выходите. Пора прощаться с матерью, лошади уже запряжены.

Анна резко села на постели. В груди мгновенно похолодело — настал момент, которого она страшилась больше всего. Осознание того, что с этой минуты она останется в чужом, пугающем доме одна, обрушилось на нее всей своей тяжестью.

Она сбросила одеяло, зябко повела плечами в прохладном утреннем воздухе и поднялась. Подойдя к небольшому медному рукомойнику в углу комнаты, Анна набрала в ладони ледяной воды. Холод обожег лицо, мигом вымывая остатки сна и возвращая мыслям пугающую ясность. Тщательно умывшись и промокнув лицо грубым льняным полотенцем, она облачилась в свое строгое, наглухо застегнутое черное платье, скрывающее фигуру.

Приведя одежду в порядок, Анна опустилась на низкий пуф перед старым потемневшим трюмо. В тусклом стекле отразилось ее бледное, осунувшееся лицо с тревожным блеском зеленых глаз. Она взяла с туалетного столика тяжелый костяной гребень и привычным жестом рассыпала волосы.

Медленными, ритмичными движениями Анна принялась расчесывать свои длинные, густые темные пряди. Они ложились на плечи тяжелым, блестящим шелком, струились по спине почти до самой талии, отливая на свету глубоким каштановым цветом. В этом мрачном доме, среди остриженной, безликой прислуги, эти роскошные волосы казались ее незримой короной — последним осязаемым осколком ее благородной московской жизни, символом девичьей гордости и личной свободы. Анна проводила гребнем от корней до самых кончиков, наслаждаясь их привычной тяжестью, словно искала в этом монотонном, успокаивающем ритуале опору для предстоящего дня.

Аккуратно собрав гладкие пряди на затылке и закрепив их шпильками, она бросила на свое отражение последний взгляд. Сделав глубокий вдох, Анна выпрямила спину и, тихо прикрыв за собой дверь, вышла из комнаты навстречу расставанию.

Пройдя на крыльцо, Анна на мгновение зажмурилась и прикрыла глаза рукой. Солнце стояло уже высоко, щедро заливая усадьбу горячим золотым светом, отчего зелень вокруг казалась неестественно сочной. Но это праздничное тепло ничуть не согревало Анну.

У ворот, возле готовой к отправлению кареты, стояла мать. В своем дорожном наряде она выглядела удивительно собранной, строгой и величественной. Заметив дочь, Ольга вдруг ласково и открыто улыбнулась — так, как улыбалась когда-то давно, еще до московского краха и позора.

От этого взгляда у Анны перехватило дыхание, а на губах расползлась слабая, горькая улыбка. Она быстро сбежала по ступеням крыльца, подошла к матери и крепко, отчаянно обняла ее, пряча лицо на ее плече.

— Я буду так скучать по Вам, матушка… — прошептала Анна, и в этом шепоте смешались вся ее детская беспомощность и страх перед будущим.

— Я тоже, дорогая. Я тоже, — тихо ответила Ольга, сильнее прижимая к себе дочь.

Когда они отстранились, глаза Анны стали стеклянными, подернутыми влажной пеленой. Сердце ее бешено колотилось, но она проявила твердость — ни одна слеза так и не скатилась по бледным щекам. Мать медленно подняла руки, бережно взяла лицо Анны в свои ладони и, заглянув в самую глубину ее застывшего взгляда, заговорила тихо, но с пугающей отчетливостью:

— Будьте сильной, Анна. Будьте гордой. Помните о том, кто вы, и ни в коем случае не позволяйте другим помыкать вами. Вы не покорны и слишком упрямы. В этом ваша слабость, но в этом же — ваша главная сила, дочь моя.

Ольга запечатлела долгий, благословляющий поцелуй на лбу Анны и отступила на шаг:

— До встречи, Анна.

Девушка открыла было рот, но слова застряли в горле тяжелым комом. Она так и не нашла, что сказать в это последнее мгновение. Мать легко поднялась по ступенькам экипажа, лакей захлопнул тяжелую дверцу, и карета, вздрогнув, тронулась с места. Колеса зашуршали по сухой дорожной пыли.

Анне оставалось лишь неподвижно стоять на залитом солнцем дворе и смотреть вслед удаляющемуся экипажу, пока тот не скрылся за поворотом усадебной аллеи. Оставшись в одиночестве, она медленно опустила голову. Горькая, прощальная улыбка окончательно сползла с ее губ. Черты лица разгладились, застыли, и оно сделалось пугающе спокойным, холодным и бесчувственным — точь-в-точь как у безупречно сработанной фарфоровой статуи. Позади нее высился чужой дом, и его двери были для нее открыты.

Тяжелую тишину нарушил скрип ступеней. Тетушка Люси, неслышно подошедшая сзади, мягко, но удивительно крепко взяла Анну под руку. Ее хватка, несмотря на внешнюю ласковость, была цепкой, словно у хищной птицы.

— Пошли, дорогая, — пропела Люси с не привычной для неё теплотой, увлекая племянницу за собой к дверям. — Нечего смотреть матушке вслед. Дорожная пыль уже осела, а пустыми вздохами горю не поможешь.

Она решительно повела Анну в глубь усадьбы, прочь от слепящего сентябрьского солнца в спасительный, но холодный полумрак коридоров. Вскоре они вошли в просторную, тенистую комнату, служившую, по-видимому, кабинетом. В центре, у высокого окна, стояли два тяжелых вольтеровских кресла, разделенных изящным деревянным столиком. Всю заднюю стену занимала огромная, уходящая под самый потолок библиотека. Массивные дубовые полки ломились от книг в старинных кожаных переплетах, наполняя комнату густым, тяжелым запахом сухой бумаги и времени.

Барыня грузно опустилась в одно из кресел. Она принялась медленно, с тихим кряхтением разминать свои старые суставы на руках. Затем, словно сбросив с себя напряжение утра, Люси закатила глаза, откинула голову на высокую бархатную спинку и расслабленно произнесла:

— Ну что ж… Спросите меня что-нибудь. О чем ваша душа болит? Что вам интересно? Смелее, отвечу на любой ваш вопрос.

Анна молча опустилась в кресло напротив. Она сидела с идеально прямой спиной, сцепив холодные пальцы на коленях, и внимательно смотрела на расслабленную тетку. В голове роились десятки вопросов: о странной прислуге с нелепыми стрижками, о наглом унтер-офицере Степане, о правилах этого пугающего дома. Но, немного поразмыслив, Анна отложила их. Она вспомнила другой — крайне неудобный, но важный вопрос, который мог обнажить уязвимое место этой властной женщины.

— Моя двоюродная сестра, Мелания… Ваша дочь, — негромко, но твердо начала Анна, глядя Люси прямо в лицо. — Где она сейчас? Почему она живет не с Вами?

Снисходительная, расслабленная полуулыбка на лице Люси дрогнула и медленно сползла. Она открыла глаза и смерила племянницу долгим, тяжелым взглядом. От былого благодушия не осталось и следа.

— Какая вы, однако, любопытная, — неохотно процедила тетушка, нервно потирая перстень на указательном пальце. Тон ее стал сухим и колким. — Мелания сейчас в Петербурге. Блистает в столичном свете, кружится на балах, примеряет шелка и бездумно тратит мои деньги.

Люси тяжело, прерывисто вздохнула, и в ее голосе проскользнула тщательно скрываемая, застарелая горечь.

— В ноябре состоится ее свадьба. Она выходит замуж за поручика гвардии Дмитрия Орлика.

Люси отвела взгляд в сторону темных книжных полок, словно ей было неприятно смотреть на Анну.

— Разумеется, в преддверии такого события ей совершенно не до старой матери и не до деревенской глуши. Признаться честно… у нас с ней не такие теплые и трепетные отношения, как мне бы того хотелось. Моя дочь выросла слишком далекой от меня.

Анна уловила эту заминку. Значит, властная тетка, железной рукой подмявшая под себя всю усадьбу и прислугу, так и не смогла совладать с собственной дочерью. Это было маленькое, но очень важное открытие.

— Как вы думаете, отчего так произошло? — тихо, но настойчиво спросила Анна, не сводя глаз с тетки. — Почему родная дочь отдалилась от вас?

Люси недовольно поморщилась, словно от зубной боли.

— Довольно расспросов, — резко оборвала она, махнув рукой. — Лучше расскажите-ка мне вот что… Каков из себя ваш муж? Опишите его.

Анна чуть выпрямилась, и в ее голосе зазвучали теплые, искренние нотки:

— Он статный, высокий, очень красивый… У него веселый нрав, он верен своему слову и всегда…

— Ах, оставьте эту патоку! — громко и бесцеремонно перебила Люси, закатив глаза. Она хлопнула в ладоши и крикнула в пустоту коридора: — Вина нести!

Обернувшись к Анне, барыня прищурилась, и в ее взгляде скользнула злая насмешка.

— Ты и впрямь его так крепко любишь, или просто корчишь из себя святую, чтобы сохранить хорошую мину перед светским обществом?

Анна закипела. Краска прилила к ее бледным щекам, но она не повысила тона. Со скрытым, клокочущим гневом, на удивление ровным и ледяным голосом она произнесла:

— Позвольте, тетушка. Вы говорите не с дворовой девкой. Попрошу обращаться ко мне соответствующе.

В этот момент в кабинет неслышно скользнула служанка и поставила на столик серебряный поднос с двумя хрустальными бокалами. Люси немедленно схватила свой и в несколько крупных глотков осушила половину красного, терпкого вина.

Анна дождалась, пока служанка выйдет, и непреклонно продолжила:

— Он мой муж. С чего бы мне его не любить?

Люси смерила ее долгим, оценивающим взглядом. Услышав отпор, она вдруг сменила тон, и в ее речи зазвучало издевательски-вежливое «вы».

— Муж, дорогая Анна, — это вампир, который высосет из вас всю молодость. Спросите у своей матушки, она вам в красках расскажет, какие бывают мужья.

— Мой всегда был ко мне добр, — ответила Анна. — За нашу недолгую совместную жизнь мы успели разделить и горе, и радость. Я люблю этого человека. С ним, мне было отраднее чем когда-либо.

Сказав это, она взяла свой бокал и сделала маленький глоток, чтобы смочить пересохшее от волнения горло.

Люси снисходительно покачала головой, взбалтывая остатки вина в бокале.

— Мне бесконечно жаль, что вы впустую тратите свою молодость на призрака, сгинувшего где-то на Кавказе. Когда мой собственный муж, более двадцати лет назад, отправился на ту же проклятую войну, я не стала уподобляться Пенелопе. Помню, как я тогда закрутила бурный роман с одним подпоручиком… Романом его звали. Представляете, Анна? У него были такие щегольские закрученные усы, русые волосы… И какой он был страстный! Поговаривали

даже, что он в пьяной ссоре застрелил квартального надзирателя, и ему за это ровным счетом ничего не было! Ах, какие вульгарные, но лестные прозвища давали ему в свете…

Люси плотоядно усмехнулась, вспоминая былое, и добавила:

— К слову, мой нынешний фаворит его терпеть не может. Да что там — до смерти боится! Уверена, на каждое поколение найдется свой пылкий подпоручик Роман.

Анна слушала эту исповедь, чувствуя, как внутри всё сжимается от отвращения и злости к этой циничной, распутной женщине.

— А что же до вашего мужа? — с вызовом спросила Анна. — Он вернулся?

— Да лучше бы он там и сложил свою голову! — зло и горько выплюнула Люси. — Пришел он… Пил без всякой меры, гонял наших крестьянок по сеновалам. Никогда у нас этой вашей хваленой «любви», как у вас с вашим Игорем, в помине не было. Он всегда был злой, как цепной пес, вспыльчивый и скорый на расправу.

Вдруг Люси отставила бокал, подалась вперед и пальцем оттянула себе верхнюю губу, обнажая десну. Там зияла темная пустота — не хватало одного зуба.

— Видите? — криво, страшно усмехнулась барыня. — Это я как-то раз имела неосторожность попросить его перестать спать с дворовыми девками в нашей супружеской постели. Ох, и долго же мне потом пришлось учиться смеяться так, чтобы в свете не заметили эту потерю…

Увидев это уродливое, болезненное клеймо, Анна вдруг почувствовала, как ее праведный гнев стремительно тает. Сердце болезненно сжалось. Перед ней сидела не просто самодурка, а глубоко несчастная, покалеченная женщина. Стало совершенно очевидно: весь свой яд и свой собственный унизительный опыт тетушка сейчас яростно накладывала на молодую, всё еще верящую в преданность Анну.

Люси посмотрела на притихшую, ушедшую в свои мысли Анну. Осушив бокал до дна, барыня со звоном поставила хрусталь на столик. Глаза ее слегка затуманились, а в голосе появилась тяжелая, сытая ленца.

— Аннушка, дорогая… — примирительно протянула она. — Принесите-ка мне, пожалуйста, какую-нибудь книжонку. Почитайте мне немного, а я, быть может, вздремну под ваш голос. От вина меня так и клонит ко сну.

Анна резко, словно очнувшись от тяжелого забытья, поднялась с кресла.

— Конечно, госпожа, — сухо и бесстрастно ответила она.

Подойдя к массивным дубовым полкам, уставленным бесконечными рядами корешков, Анна растерялась от этого множества.

— Какую книгу вы бы хотели послушать? — спросила она, скользя взглядом по золоченому тиснению.

— Ах, большинство из них уже прочитано до дыр, — отмахнулась Люси, устраиваясь поудобнее и прикрывая глаза. — Найдите что-нибудь необычное.

Анна принялась перебирать книги. Ей попадались сплошь французские и немецкие романы, любовные элегии да модные европейские трактаты. Она целенаправленно искала что-нибудь русское: французский язык был ей теперь глубоко противен. На то была своя болезненная причина.

В самом углу нижней полки, зажатая между пухлыми томами, ее внимание привлекла необычная книжка. Вытянув ее, Анна обнаружила, что это старая рукописная тетрадь, переплетенная в потертую, рассохшуюся кожу. На обложке выцветшими чернилами было аккуратно выведено: «Сказание о купце Иване Шестакове».

Находка показалась Анне интересной.

— Госпожа Люси, — негромко позвала она. — Здесь лежит книга с названием «Сказание о купце Иване Шестакове». Что это за вещь?

Люси не стала оборачиваться, но на ее увядшем лице вдруг проступила искренняя, неожиданно светлая улыбка. Она глубоко погрузилась в воспоминания давно минувших дней.

— Ах, Анна… — мечтательно произнесла тетушка. — Когда мы с моим мужем Валерием только-только поженились, он был совсем другим человеком. Настоящим джентльменом. Помнится, гуляли мы как-то по ярмарке, и его взгляд зацепился за одного тучного купца, что распродавал с телеги всё подряд. Мы подошли к прилавку, Валера галантно держал меня под руку и этак вальяжно спросил: «Что за товар у тебя, купец?»

Люси тихонько рассмеялась, не открывая глаз:

— Тот засуетился, начал показывать всё свое барахло: какие-то мятые корыта, закопченные котелки… Но Валера вдруг указал пальцем на эту самую книжицу и спросил, что это за старая бумага. Купец вмиг поник, заломал шапку и начал плести, что это великая семейная реликвия. Говорил, что рукопись повествует о его дальнем предке, и что он, как и его прадед, вынужден продавать самое бесценное, лишь бы выжить. Клянусь, он там чуть не заплакал! Заливался соловьем, что эту тетрадь его отец переписал еще при императоре Павле, а прошлая, дескать, переписывалась его дедом еще во времена Петра Великого. Конечно же, он ломал комедию, чтобы продать этот негодный хлам! Я не поверила ни единому его слову.

Улыбка Люси стала саркастичной.

— А вот мужа эта байка либо растрогала до глубины души, либо он просто решил похвастаться своей щедростью — то ли передо мной, то ли перед этим торгашом. Он купил эту старую тетрадь за двадцать пять рублей! Дурак. — Люси фыркнула, и прежняя циничная грубость вернулась в ее голос. — И как я могла забыть ему такую расточительность? Как положили мы ее на полку в тот день, так больше ни разу и не притрагивались.

Анна вернулась на свое место напротив тетушки, бережно держа находку в руках. Тетрадь и впрямь выглядела так, будто ей было не меньше полувека: страницы пожелтели, края обтрепались, а от бумаги исходил густой аромат старины и пыли.

Девушка осторожно открыла тонкую книгу. Почерк переписчика был витиеватым, но аккуратным. Буквы оказались вполне разборчивыми, хотя сам слог и обороты речи явно отдавали прошлым. Предвкушая, как она отвлечется от мрачных мыслей этого тяжелого дня, Анна едва заметно улыбнулась. Она приготовилась прочитать эту необычную книгу, за которой стояла не менее забавная житейская история.

Анна удобно устроилась в кресле, аккуратно разгладила пальцами хрупкие страницы и, поймав ровный ритм старинного слога, начала читать вслух:

— Сей правдивый сказ начертан мною, смиренным потомком славного рода, дабы в веках грядущих не померкла память о великом пращуре нашем. Берет свое начало сия повесть в славном и вольном граде Господине Великом Новгороде, где и узрел свет божий Иван Шестаков. Происходил отрок из семьи зело уважаемого купца, который пуще всего славился в народе как великий и искусный пивовар. С младых ногтей батюшка приучал Ивана к торгу да к тайному ремеслу варения хмельного напитка, чая, что сын переймет отцовскую науку и продолжит дело. Однако же юное сердце поначалу к купечеству не тяготело.

Текст оказался на удивление складным. Анна читала его с живым, искренним любопытством, просто наслаждаясь хорошей историей. Она перевернула страницу и продолжила тем же размеренным голосом:

— Был в ту пору при местной церкви один священник, человек светлой души, который премного привечал пытливого отрока. Относился он к Ивану с превеликой добротой: щедро одаривал его сладкими яблоками да медом, часто усаживал малого на колени, целовал в макушку и гладил по голове, ласково приговаривая: «Ты у меня хороший мальчик, Ваня, умный». Именно сей добрый пастырь взялся обучать молодого Шестакова премудростям и чужеземному греческому языку, кое знание весьма пригодилось Ивану в его дальнейших странствиях за три моря. Иван всей душой прикипел к батюшке, и зародилась в нем мечта великая — самому принять священный сан и служить Господу.

Девушка бросила короткий взгляд на тетушку. Люси сидела, тяжело опираясь на подлокотники, ее глаза были полуприкрыты, а дыхание становилось всё более глубоким и медленным. Убедившись, что барыня слушает, Анна вернулась к строкам, с интересом следя за тем, как повернется сюжет:

— Но не судилось сбыться тем праведным думам, ибо страшное горе омрачило его отрочество. На глазах у мальчика того самого светлого священника безжалостно казнили, отрубив ему голову топором прямо на рыночной площади. Сие кровавое зрелище тяжким бременем легко на неокрепший разум. А когда юный Иван всё же осмелился поведать суровому отцу о своем желании принять сан священника, батюшка разгневался не на шутку и в назидание жестоко побил сына посохом по хребту.

В старинной рукописи кипели нешуточные страсти, но Анна воспринимала их лишь как увлекательную выдумку из прошлого, не испытывая ни тревоги, ни потрясения. Слог вел ее всё дальше:

— Оставив думы о церкви и рясе, юноша смирился с долей и порешил пойти по отцовским стопам — стать таким же купцом. Да только кровь молодая, горячая, бурлила в жилах, прося не тихих торгов в лавке, а вольной воли да удали. Судьба распорядилась иначе: буйный нрав увел молодого Шестакова на крутые берега седого Волхова, где примкнул он к речной вольнице, сделавшись лихим новгородским ушкуйником.

Анна сделала паузу, намереваясь перелистнуть страницу, чтобы узнать, куда завела юного Ивана разбойничья жизнь, только-только набиравшая оборот.

Но в этот момент тишину кабинета нарушил ровный, раскатистый звук. Анна подняла голову. Тетушка Люси окончательно обмякла. Ее подбородок тяжело опустился на грудь, а из приоткрытого рта вырывался мерный, сытый храп. Выпитое вино и спокойный голос племянницы сделали свое дело — барыня крепко уснула ровно на самом интересном месте.

Осторожно, чтобы не потревожить сытый сон тетушки, Анна отложила ветхую рукопись на край столика. Напряжение утра и долгий разговор дали о себе знать — желудок предательски свело от голода. Девушка бесшумно покинула кабинет и, поблуждав немного по темным коридорам усадьбы, нашла дорогу на просторную кухню.

Там никого не оказалось. На большом разделочном столе в плетеной корзине Анна заметила небольшое, чуть сморщенное яблоко. Усевшись на грубую деревянную скамью, она впилась в него зубами. Голод был так силен, что буквально через минуту от яблока остался лишь жалкий огрызок. Анна огляделась по сторонам, раздумывая, куда бы его выбросить, как вдруг со стороны черного хода послышались тяжелые шаги.

Дверь распахнулась, и на кухню ввалился Степан Геннадьевич. На нем была накинута тяжелая суконная шинель, от которой тянуло уличной пылью и конным потом. Он явно только что вернулся со двора. Не обращая на Анну никакого внимания, он принялся торопливо и небрежно стаскивать с себя верхнюю одежду, бросая ее прямо на соседнюю лавку.

— Где Люся? — бросил он с порога, оставшись в одной простой льняной рубахе.

Анна широко открыла глаза. Услышать столь панибратское, кухонное обращение к властной хозяйке усадьбы было сродни удару хлыстом.

— Кто вы такой, чтобы так нагло и развязно говорить о моей тетушке? — ледяным тоном осадила его Анна.

Степан ничуть не смутился. Он развязно уселся на стул напротив нее и, недолго думая, закинул ноги в грязных сапогах прямо на обеденный стол.

— Это для вас она «госпожа Люси», — усмехнулся он, почесывая свой неровный ус. — А для меня — Люся.

Анна с презрением оглядела его фигуру. Всё разом встало на свои места.

— Вы ее фаворит, не так ли?

— Я ее любовь, — Степан самодовольно откинулся на спинку стула. — А вы — всего лишь ее бедная родственница.

— Прояви уважение, муж без роду и племени! — вспыхнула Анна, доведенная до предела этой дерзостью.

Вместо ответа Степан вдруг резко подался вперед, выхватил прямо из ее пальцев огрызок яблока, закинул его в рот и принялся с хрустом пережевывать — вместе с жесткими косточками и черенком. В этом первобытном, животном жесте было столько наглости, что Анна замерла. И тут, вглядываясь в эти наглые глаза и щеголеватые усики, она вдруг вспомнила, где могла слышать о нем.

— Степан Геннадьевич… — медленно, собирая мысли воедино, произнесла Анна. — Вы знаете поручика Андрея Гаврилова?

Лицо Степана на мгновение вытянулось, а затем расплылось в широкой, искренней улыбке.

— Конечно! Это же мой дружище. Как не знать эту армянскую морду!

— Он муж моей близкой подруги, Анастасии, — жестко продолжила Анна. — Андрей как-то упоминал одного наглого унтер-офицера, которому он сдуру подарил свой пистолет.

— Ну, будем знакомы! — Степан радостно хлопнул ладонью по колену и, убрав ноги со стола, протянул Анне руку.

Анна грациозно поднялась со стула и, как подобает даме ее сословия, протянула кисть тыльной стороной вверх, ожидая почтительного поцелуя.

Степан посмотрел на ее тонкие пальцы и фыркнул:

— Я не буду целовать тебе руку.

Анна ничуть не смутилась. Она медленно опустила ладонь и произнесла с издевкой:

— Конечно. Вы горазды целовать лишь старую кожу.

Степан от неожиданности приоткрыл рот. Его глаза расширились — он явно не ожидал от этой бледной, худенькой «бедной родственницы» такого ядовитого отпора. Анна же, почувствовав свое превосходство, вновь опустилась на скамью, подалась вперед и чеканя каждое слово произнесла:

— Если вы, Степан Геннадьевич, думаете, что раз мой муж далеко, то вы можете говорить со мной как с трактирной девкой — вы глубоко ошибаетесь. На зазнавшегося мужика в этой стране всегда найдется управа. Запомните это.

Степан тяжело сглотнул, отстранился и несколько секунд молча смотрел на нее. Затем его губы вновь искривила кривая усмешка. Он полез в карман штанов, выудил оттуда засаленную колоду игральных карт и с громким хлопком выложил ее на стол.

— Я не собираюсь воевать с вами, ваше благородие, — примирительно, но с долей издевки произнес он. — Давайте лучше сыграем в карты. На деньги!

От такой резкой смены настроения Анна опешила, но тут же взяла себя в руки. Упоминание карт ударило по больному.

— Я не играю в карты, — отрезала она. — Тем более на деньги.

— Это потому, что у вас их нет, ваше благородие, — парировал Степан.

Он достал из-за пазухи тяжелый бархатный мешочек и, развязав тесемки, с щедрым звоном высыпал прямо перед Анной десяток крупных серебряных монет.

Девушка в недоумении уставилась на серебро.

— Откуда у вас столько?

— Это ваши деньги на нашу с вами игру, — безапелляционно заявил Степан, тасуя колоду ловкими пальцами шулера. — Люся не любит играть, а вас я заставлю.

— Вы меня плохо слышите? — Анна начала терять терпение. — Я не собираюсь потакать вашим капризам!

— Мы еще посмотрим, — Степан сдал ей несколько карт рубашкой вверх. Его взгляд стал темным и цепким. — Скука в этом доме доводит людей до безумия. Карты — лишь меньшее зло, вот увидите.

— Ваша компания меня пресытила, — Анна резко поднялась из-за стола, даже не взглянув на сданные карты. Гордо вздернув подбородок, она зашагала прочь из кухни.

— До встречи, госпожа! Ваша комната заждалась! — крикнул ей вслед Степан, сопровождаемый сухим шелестом тасуемой колоды.

У самых дверей Анна на секунду замерла, борясь с желанием обернуться и бросить еще одну колкость, но затем с еще большей решимостью двинулась по коридору.

Добравшись до своих покоев, она с громким стуком захлопнула тяжелую дверь, словно отсекая от себя весь этот безумный дом. Силы окончательно покинули ее. Прямо в строгом черном платье она упала на кровать, уткнувшись лицом в подушку. Накопившаяся усталость, грусть от прощания с матерью и стычка с наглым фаворитом тетки обрушились на нее тяжелой волной, и густой, спасительный дневной сон быстро накрыл Анну с головой.

Глава 3Госпожа с остриженными волосами

Осенние сумерки уже плотно заволокли окна, когда Анна вынырнула из тяжелого, вязкого сна. В комнате было прохладно — дыхание наступившей осени чувствовалось даже сквозь толстые стены старой усадьбы. В дверь глухо, но настойчиво постучали.

— Анна, дорогая, пора ужинать, — донесся из коридора голос Люси, в котором причудливо смешивались властность и приторная забота.

Анна медленно села на постели, прогоняя остатки сна. Она зажгла свечу, быстро оправила измявшееся черное платье, пригладила тяжелые темные волосы перед зеркалом и, набросив на плечи шерстяную шаль, вышла из комнаты.

В малой столовой ярко горели канделябры. За накрытым столом уже сидели Люси и Степан. Картина эта была на редкость обыденной и оттого еще более отталкивающей: барыня и унтер-офицер ели в полном, уютном молчании, словно старые супруги, давно привыкшие к обществу друг друга. Анна молча заняла свое место и, не поднимая глаз, принялась за горячую похлебку.

Спустя некоторое время, почувствовав естественную нужду, Анна деликатно извинилась, встала из-за стола и вышла. Проходя по тускло освещенному коридору, она вдруг заметила в полумраке какое-то движение.

Из-за угла навстречу ей вышел крупный рыжий кот. Выглядел он отвратительно: весь облезлый, худой, с всклокоченной, грязной шерстью. Было совершенно очевидно, что этот пройдоха весьма бурно и весело провел минувшее лето где-то на сеновалах и в драках, а теперь, с приходом осенних холодов, нагло пробрался в тепло барского дома.

— Кыш отсюда! — брезгливо бросила Анна, махнув на него рукой.

Но кот, совершенно не испугавшись, лишь хрипло мяукнул и нагло потерся худым, грязным боком прямо о подол ее платья, оставив на черной ткани невидимый, но стойкий след.

Справив свои дела и тщательно вымыв руки ледяной водой из медного кувшина, Анна поспешила вернуться в столовую.

Едва она успела сесть на свой стул и взять ложку, как тетушка Люси вдруг замерла. Она шумно втянула воздух носом, и ее лицо исказила гримаса отвращения.

— Фу… Опять воняет этим мерзким рыжим кошаком! — возмутилась барыня.

Она грузно поднялась со своего места, подошла вплотную к Анне и, бесцеремонно наклонившись, принюхалась к ее платью.

— Вы видели этого несносного кота? — требовательно спросила Люси, смотря на Анну.

— Он только что пробегал мимо меня в коридоре, — спокойно ответила Анна, чуть отодвигаясь от тетки.

— Ненавижу этих кошаков! Дворовая рвань, от которой одна грязь и вонь, — в сердцах сплюнула Люси, возвращаясь на свое место. — В следующий раз, Анна, если он попадется вам на глаза, извольте его поймать. Велю дворне утопить мерзавца в пруду или вышвырнуть за ворота!

Анна перевела взгляд на Степана. Тот сидел, вальяжно откинувшись на спинку стула, и лениво ковырял вилкой в тарелке. В голове Анны вдруг промелькнула дерзкая мысль, и уголки ее губ дрогнули в холодной полуулыбке.

— Знаете, тетушка, — задумчиво протянула она, глядя прямо на унтер-офицера. — А ведь этот облезлый блудный кот чем-то удивительно похож на Степана Геннадьевича.

Степан поперхнулся вином. Он резко выпрямился, его неровные усики гневно топорщились, а на щеках проступили красные пятна.

— Чем же это, позвольте спросить?! — раздраженно бросил он, едва сдерживаясь, чтобы не перейти на крик.

Анна изящно промокнула губы льняной салфеткой и, бросив на него невинный, но полный скрытой издевки взгляд, мягко ответила:

— О, не берите в голову. Всего лишь глупое сравнение.

Почувствовав, как от удачной колкости внутри разливается приятное тепло чужого замешательства, Анна решила пойти дальше. Смелость, рожденная усталостью и отвращением к абсурду этого дома, опьяняла. Она отложила ложку, сцепила пальцы в замок и, переведя взгляд с покрасневшего Степана на тетку, невинно поинтересовалась:

— Скажите, тетушка, как же так получилось, что вы нашли друг друга в таком… чудном союзе?

Степан бросил на нее злой, предупреждающий взгляд, но Люси ничуть не смутилась. Напротив, вопрос племянницы привел ее в превосходное расположение духа. Она громко, раскатисто рассмеялась, обнажив зияющую пустоту на месте выпавшего зуба, и потянулась за своим бокалом.

— Ах, Аннушка, это просто уморительная история! — отсмеявшись, произнесла барыня. — И обязана я этим знакомством не кому иному, как будущему мужу моей дочери, блестящему столичному поручику Дмитрию Орлику.

Анна удивленно приподняла брови.

— Этому франту нужно было срочно уладить со мной кое-какие бумажные дела перед свадьбой, — с удовольствием продолжила Люси, взбалтывая вино. — Подписать векселя на приданое Миланьи, утрясти списки крепостных. Но сам наш герой-любовник, разумеется, побрезговал тащиться так далеко. Да и, признаться честно, он до дрожи в коленках боится моего характера. Поэтому этот трусливый лис решил свалить всю работу на своего подчиненного.

Люси кивнула в сторону унтер-офицера.

— И вот, в один прекрасный день двери моего холла распахиваются, и на пороге объявляется этот самый Степан. Прямо с дороги, в грязных сапогах, пропахший конским потом и табаком. Вместо того чтобы поклониться хозяйке дома и чинно передать пакет с документами, как подобает посыльному, он вваливается в гостиную, швыряет бумаги мне на стол и нагло требует водки с дороги!

Степан самодовольно хмыкнул и, взяв со стола зубочистку, принялся лениво ковырять в зубах, всем своим видом показывая, что гордится собственной дерзостью.

— Я от такой невиданной наглости поначалу просто онемела! — глаза Люси азартно блеснули. — Я уже открыла рот, чтобы велеть дворне схватить мерзавца, оттащить на конюшню и всыпать ему плетей так, чтобы шкура клочьями сошла. Но тут он посмотрел на меня… Глаза наглые, темные, ус щегольски подкручен, ни капли страха. И в ту же секунду я словно вернулась на двадцать лет назад. Вылитый мой подпоручик Роман! Столько в нем было этой дикой, мужицкой дерзости, что гнев мой вмиг улетучился.

Тетушка сделала большой глоток и победно улыбнулась:

— Я решила, что в этом тоскливом доме мне как раз не хватает такого дерзкого шута. Бумаги Орлику я подписала и отправила с ответным письмом, в котором сухо известила: «Документы ваши получила, а унтера вашего оставляю себе». И всё! С тех пор Степушка живет здесь как сыр в масле.

Степан, польщенный рассказом, отсалютовал Люси своим бокалом. Анна же сидела с прямой, неподвижной спиной. Забавный анекдот тетки вызвал у нее лишь новый приступ дурноты. Анне в конец все стало ясно: столичный блестящий жених Миланьи оказался бесчестным трусом, разбрасывающимся своими людьми, а усадьба тетки — грязным, порочным болотом, где ценились не благородство и честь, а животная наглость и неслыханная дерзость.

Степан и Люси, не обращая больше на племянницу внимания, с аппетитом доели свой ужин и оставили Анну в одиночестве.

Госпожа всё еще сидела за столом, ковыряясь ложкой в остывшей тарелке, когда за ее спиной послышались тяжелые шаги тетки. Неожиданно пухлые руки Люси легли на голову девушки. Быстрым, уверенным движением барыня вытащила из ее прически шпильки, и тяжелые темные волосы водопадом рассыпались по плечам. Анна вся подобралась и напряглась, словно ожидая удара.

— Доедайте быстрее, Анна, — ласково, но с властными нотками промурлыкала Люси, пропуская густую прядь через пальцы. — У меня для вас есть небольшой сюрприз.

Аппетит пропал окончательно. Оставив последнюю ложку нетронутой, Анна покорно встала из-за стола.

Тетушка взяла ее под руку и повела на второй этаж. Они вошли в просторную гардеробную, и Анна на мгновение замерла. Комната была доверху заполнена всевозможными нарядами: десятки платьев самого разного кроя, пестрые французские шелка, кринолины, ленты и кружева теснились на вешалках и в массивных шкафах, источая легкий аромат нафталина и дорогих духов.

— Выбирайте любое, какое только понравится, — широким жестом предложила Люси. — Ваше-то совсем испачкал этот мерзкий кот. Не ходить же вам в грязном.

Анна принялась перебирать кричаще-яркие, вульгарно-роскошные европейские платья, которые совершенно не соответствовали ни ее вкусу, ни ее внутреннему трауру. Наконец, в самом дальнем углу, среди этого пестрого великолепия она нашла строгое, удивительно простое черное платье из плотной, добротной ткани.

— Вы уверенны? — брезгливо сморщила нос Люси, увидев выбор племянницы. — Я такие платья разве что на похороны надевала, да и то с давних пор оно мне мало. Скукота смертная.

Но Анна была непреклонна. Она сняла свою испачканную одежду и облачилась в выбранный наряд. Черная ткань легла мягкими складками. Платье оказалось ей немного большевато в плечах и талии, но сидело удивительно изящно, подчеркивая ее хрупкость и аристократичную бледность.

Темная непослушная прядь, выбившаяся из общей массы волос, упала Анне на глаза. Люси подошла вплотную и удивительно заботливым, почти материнским жестом заправила локон ей за ухо.

— Но это еще не весь подарок, моя дорогая, — загадочно пропела тетушка.

Она мягко взяла Анну за плечи и подвела к большому трюмо. Туалетный столик был уставлен флаконами с парфюмом, баночками с румянами и пудрой, но не они привлекли внимание девушки. На гладком дереве, в строгом, пугающем порядке были разложены всевозможные парикмахерские принадлежности: щетки, несколько костяных гребней разного размера, заколки и… длинные, острые стальные ножницы.

Люси усадила племянницу на мягкий пуф перед зеркалом. Взяв в руки тяжелый гребень, барыня принялась медленно, с явным наслаждением расчесывать густые волосы Анны.

— Знаете, в этой деревенской глуши так легко сойти с ума от тоски, — вкрадчиво ворковала Люси, методично ведя гребнем от корней до самых кончиков. — Но я нашла себе поистине изысканное увлечение. Я обожаю придумывать новые образы, менять лица. Быть настоящим творцом, эдаким домашним куафером для своих людей — это такое упоение… Поистине, парикмахерское искусство сродни живописи, только вместо холста у тебя живой человек.

Слушая ее тихий голос, Анна вдруг ясно вспомнила диковинные причёски дворовых. Встретившись с отражением тетки в мутном стекле зеркала, взгляд Анны медленно скользнул вниз, к столешнице, и намертво прикипел к холодному, хищному блеску стальных лезвий.

Дыхание Анны заметно участилось. Грудная клетка судорожно вздымалась под плотной черной тканью платья.

— Тетушка… — голос ее дрогнул, выдавая прорвавшийся наружу страх. — Не считаете ли вы, что мои волосы и без того прекрасны?

Но Люси, не сбиваясь с ритма, продолжила плавно вести тяжелым гребнем по темным прядям.

— Они совершенно не подходят вашему нраву, Аннушка, — мурлыкала барыня. — Я так рада, что вы теперь здесь. Знаете, без вас со Степаном я так скучала. Мне было решительно не с кем поговорить. Вся эта дворня — как мыши: пугливые, жалкие и до тошноты покорные. Всё пытаются угодить, заглядывают в глаза, и все как на одно лицо. Никакого характера. Зато, делая им новые прически, я добилась того, что они стали разными. Теперь каждый со своей особенностью.

По бледным щекам Анны покатились первые, непрошеные слезы. Вся ее аристократическая гордость дала трещину перед страхом изуродования и потери частицы себя.

— Госпожа Люси, умоляю вас, прошу… — зашептала она сквозь слезы, вжимаясь в пуф. — Мои волосы и так красивы. Не надо…

— Уверена, вам очень понравится, — ласково, почти нежно отозвалась Люси.

Сталь зловеще лязгнула. Тетушка взяла со стола длинные ножницы и, подхватив густую прядь у самого лица, безжалостно сомкнула лезвия. Хруст разрезаемых волос прозвучал в тишине комнаты оглушительно.

Анна крепко зажмурилась и тяжело опустила ладонь на лоб, словно пытаясь отгородиться от происходящего, спрятаться в спасительной темноте. Щелчки ножниц раздавались прямо над ухом — методичные, неумолимые. Она чувствовала, как тяжесть покидает ее голову, как мертвые пряди, которые она так бережно расчесывала еще сегодня утром, скользят по ее шее, осыпаются на плечи и безжизненно падают на подол черного платья.

Шуршание и лязг прекратились.

— Готова, моя дорогая, — с удовлетворением произнесла Люси.

Анна медленно, с замиранием сердца открыла глаза и взглянула в мутное зеркало. В первую секунду ее сердце пропустило удар и, казалось, вовсе перестало биться.

К ее величайшему изумлению, волосы были подстрижены аккуратно и ровно. Теперь они лишь слегка прикрывали плечи и прятали шею. Это было красиво, пугающе по-новому, но из-за утраты длинных кос спина под тонкой тканью платья вдруг показалась Анне голой, беззащитной и уязвимой.

— Так-то и возни с ними меньше, и куда пригожее, — самодовольно констатировала Люси, смахивая с плеч племянницы остриженные волоски.

Не дав Анне опомниться, барыня открыла фарфоровую баночку с румянами, достала кисти и принялась деловито наносить косметику на побледневшее лицо девушки. Она красила ее увлеченно, как новую, дорогую куклу.

Но Анна больше не сопротивлялась и не плакала. Лицо ее превратилось в застывшую фарфоровую маску, не выражающую ни чувств. Она просто закрыла глаза, погружаясь в бесчувственное оцепенение и позволяя чужим рукам делать с собой всё, что им заблагорассудится.

— Открывайте глаза, моя прелесть, — проворковала Люси, отступая на полшага.

Анна медленно подняла тяжелые веки и посмотрела в старинное зеркало. Из потемневшего стекла на нее взирала совершенно чужая девушка. Горевшие на резном столике три восковые свечи в массивном золоченом канделябре бросали теплые, трепещущие блики на ее лицо, делая кожу мертвенно-бледной, почти фарфоровой. На скулах неестественно ярко горели нанесенные теткой розовые румяна, превращая Анну в красивую, но безжизненную куклу. Ее каштановые волосы, лишенные прежней тяжести, теперь ровно спадали до плеч, строго обрамляя лицо. Черное бархатное платье с тонкими кружевами на груди и рукавах сидело безупречно, подчеркивая траурную торжественность этого нового облика. А на ее плечах по-хозяйски, тяжело покоились властные руки тетушки Люси.

Но лицо Анны не дрогнуло. В зеленых глазах не отразилось ни слез, ни гнева — лишь пустота.

Люси, ожидая совершенно иного ответа на её старания, разочарованно поджала губы.

— Ну же, Аннушка, вам нравится? — с нажимом спросила она, впиваясь пальцами в плечи племянницы.

Анна даже не моргнула.

— Конечно, Люси, — произнесла она ровным, безжизненным голосом.

Недовольная столь холодным поведением, барыня раздраженно фыркнула. Она убрала руки, схватила со стола канделябр с тремя свечами и сухо бросила:

— Идемте. Время позднее.

Люси повела ее прочь от хозяйских покоев. Они долго шли по темным, стылым коридорам усадьбы, всё дальше удаляясь от обжитой части дома. Наконец, миновав узкий, продуваемый сквозняками переход, они оказались у скрипучей двери в старую пристройку.

Люси толкнула дверь, и тусклый свет свечей выхватил из мрака крошечную, убогую комнатку, которая была раза в два меньше той добротной спальни, где Анна проснулась утром. Стены здесь были голыми, в воздухе пахло сыростью и старым деревом.

— Это теперь ваша новая комната, дорогая, — с издевательской улыбкой объявила тетушка, освещая убогое убранство. — Посмотрите, как здесь уютно! Какое уединение! В большом доме вечно суета, хлопают двери, шастает прислуга, а здесь вам никто не помешает предаваться вашим возвышенным думам. Да и сквозняки, говорят, чрезвычайно полезны для юного цвета лица.

Анна молча скользнула взглядом по углам и увидела свои немногочисленные вещи, сиротливо сложенные на стуле. Все перенесли за ее спиной, пока она сидела за ужином.

— Доброй ночи, Анна. Отдыхайте, — бросила Люси и, не дожидаясь ответа, вышла вон, плотно закрыв за собой дверь и унеся с собой единственный источник света.

Оставшись в кромешной темноте, Анна даже не стала переодеваться. Прямо в черном бархатном платье, с косметикой на лице и непривычно остриженными волосами она тяжело опустилась на узкую, неудобную кровать. Жесткий тюфяк скрипнул под ее весом.

Прошел час, затем второй. Дом давно погрузился в мертвую тишину. Анна лежала с открытыми глазами, стараясь ни о чем не думать, но дневной сон слишком хорошо восстановил ее силы — она была пугающе бодра.

В дальнем углу пристройки лунный свет, пробивавшийся сквозь мутное окошко, выхватил очертания громоздкой кучи какого-то старого хлама. Чтобы хоть чем-то занять руки и отвлечься от гнетущей тишины, Анна поднялась и подошла к сваленным вещам. Она принялась бесшумно перебирать это барахло: сломанная прялка, тяжелый хозяйственный топор покрытый ржавчиной, стопка отсыревших амбарных книг, потемневший медный таз и треснувшая фарфоровая супница.

Вдруг ее пальцы наткнулись на плоскую деревянную раму. Вытянув находку на лунный свет, Анна смахнула с холста густую пыль. Это был мужской портрет. Строгое, волевое лицо с тяжелым взглядом и жесткой линией губ. Валерий — покойный муж Люси.

В голове Анны тут же всплыли ужасные рассказы тетки об этом человеке. Дебошир, насильник, блудник. Но, вглядываясь в его строгие черты, Анна вдруг задумалась: а так ли он был ужасен на самом деле, как описывала его Люси? Быть может, он просто сошел с ума от распутства и жестокости собственной жены? Почему в этом проклятом мире всем кругом так фатально не везет в любви?

Ее мысли, словно отравленные ядовитыми испарениями этого дома, потекли в мрачное русло. Ей всегда казалось, что уж ей-то повезло с Игорем. Но… действительно ли повезло? Не иллюзия ли всё это? Весь этот грязно-откровенный разврат тетки, животная наглость Степана,

бесчестие поручика Орлика — легкомысленность взрослых людей разрушала все устои. Этот дом въедался в ее рассудок, заставляя сомневаться даже в самом святом.

Чувство несправедливости смешалось с холодной яростью. Анна решительно сжала в руках портрет Валерия. Подол черного платья беззвучно скользнул по полу, когда она вышла из пристройки во мрак коридоров.

Она точно знала, куда идти. Миновав темные залы, она подошла к двери своей утренней спальни и осторожно приоткрыла ее.

Так она и думала. Из темноты доносился раскатистый, сытый мужской храп. На огромной кровати, раскинув руки, спал Степан. Ее просто вышвырнули в ледяную пристройку ради комфорта этого мелкого, наглого подонка.

Анна проскользнула в комнату. Каждый ее шаг был выверен, но старые половицы всё же издавали тихий, предательский скрип. Затаив дыхание, она на носочках приблизилась к стене, где раньше обнаружила портрет молодого фаворита. Картина со Степаном в унтер-офицерском мундире по прежнему висела на том-же месте.

Девушка аккуратно, стараясь не звенеть креплениями, сняла ненавистный портрет со стены. Взвесив в руке картину с Валерием, она решительно повесила изображение законного мужа и настоящего хозяина усадьбы на опустевший гвоздь. Пусть завтра утром Люси и ее любовник полюбуются на этот безмолвный укор.

Забрав портрет Степана, Анна так же бесшумно, словно призрак, выскользнула из покоев и, сливаясь с темнотой дома, направилась обратно в свою убогую пристройку.

Вернувшись в свои новые покои, Анна плотно прикрыла за собой дверь и прислонилась к ней спиной. В кромешной темноте на ее лице, стянутом чужими румянами, вдруг расцвела странная, шальная, почти придурковатая улыбка. Она прекрасно осознавала, в какое безумие скатывается происходящее и как сильно меняется она сама. Но в этой мелкой ночной вылазке она внезапно нашла нечто упоительное. Кажется, ядовитый воздух этой усадьбы уже начал проникать в ее кровь, пробуждая тот самый упрямый, бунтарский дух, о котором утром говорила мать.

Опустив взгляд на зажатый в руках портрет Степана, Анна тихо хмыкнула. В скудном лунном свете самодовольное лицо унтер-офицера казалось особенно пошлым. И тут в ее остриженную голову пришла замечательная идея.

Анна подошла к стулу, где сиротливо высилась стопка ее вещей. Порывшись на дне дорожного саквояжа, она бережно достала плотный холст — свой свадебный портрет, главную святыню, которую она забрала с собой из разрушенной московской жизни.

Не церемонясь, девушка подцепила непослушными пальцами края холста со Степаном и резким, безжалостным движением вырвала его из добротной деревянной рамы. Скомканное усатое лицо полетело прямо в кучу пыльного хлама в углу. На его место Анна аккуратно, с трепетом разглаживая каждый уголок, вставила полотно со своей свадьбы.

Она подошла к стене прямо напротив своей жесткой кровати, нащупала в деревянной обшивке старый гвоздь и повесила раму. Бледный луч луны, пробивавшийся сквозь мутное окошко, упал точно на картину, выхватив из мрака два счастливых лица: Игоря — высокого, статного и полного надежд, и ее саму — еще со спадающими до самой талии тяжелыми волосами и светящимися от счастья глазами.

В это мгновение в груди Анны разлилось долгожданное, почти забытое тепло. Холод чужой пристройки отступил на задний план. Эта картина, словно мощный оберег, вытеснила из комнаты липкий мрак и извращенные тени теткиного дома. Знакомые, родные черты наконец-то успокоили ее взволнованное сердце. Напряжение покинуло тело, а уставший разум обрел долгожданный покой.

Прямо в черном бархатном платье Анна легла на неудобный тюфяк, укуталась в шаль и, не отрывая умиротворенного взгляда от светлого холста на стене, закрыла глаза, моментально провалившись в глубокий, спокойный сон.

Глава 4Госпожа играет в карты

Свежий дневной свет, холодный и прозрачный, пробивался сквозь оконное стекло, мягко ложась на лицо молодой девушки. Анна сидела перед большим овальным зеркалом в массивной деревянной раме. На ней всё еще было то самое строгое черное бархатное платье с тонкими кружевами на рукавах, которое вчера заставила надеть тетушка. В комнате стояла умиротворяющая тишина, нарушаемая лишь мерным шорохом деревянного гребня.

Анна медленно проводила зубцами по своим остриженным темным прядям. Она внимательно разглядывала свое отражение в тусклом стекле и ловила себя на неожиданной мысли: а ведь всё не так уж и плохо. Тяжелая копна больше не тянула голову назад, и плечи словно освободились от невидимого, давящего груза. Возиться с прической теперь и впрямь стало куда проще, да и на вид эти ровные, спадающие до ключиц волосы смотрелись действительно красиво, придавая ее лицу какую-то новую, взрослую и строгую выразительность. На губах девушки заиграла легкая, спокойная улыбка.

Но внезапно эта улыбка дрогнула. Мысли невольно перенеслись далеко на юг, к Игорю. Анна живо вспомнила, как его сильные, теплые пальцы ласково перебирали ее длинные тяжелые косы. Как он пропускал их сквозь ладони и с восхищением шептал, что ее волосы прекрасны, как струящийся темный шелк. В груди предательски защемило. Как же она теперь посмотрит ему в глаза при встрече? Она ясно, до дрожи, представила ту секунду, когда он вернется, потянется к ней по привычке и… как дрогнет его рука, наткнувшись на эти короткие, чужие, обрубленные концы.

От этой щемящей фантазии остатки радости разом испарились. Анна с глухим стуком отложила гребень на туалетный столик, рядом с догоревшей свечой. Несколько долгих минут она сидела неподвижно, напряженно и строго вглядываясь в свое бледное лицо, словно пытаясь найти в нем ту прежнюю, московскую Анну.

Затем она подняла руки и кончиками пальцев прошлась по остриженным концам. Она аккуратно поправила волосы, уложив их так, чтобы они ровно обрамляли скулы, и слегка тряхнула головой.

Зеленые глаза в зеркале вновь потеплели, и робкая улыбка медленно, но верно вернулась на ее губы. «Вздор, — подумала Анна, гордо расправляя плечи в черном бархате. — Ведь не за длину волос он меня полюбил. Сердце мужа принадлежит мне, а не моей прическе». Страх, сковавший было душу, отступил. В конце концов, кто знает? Быть может, этот новый, смелый образ понравится ему ничуть не меньше.

Внезапно тишину усадьбы разорвал оглушительный грохот выстрела. Анна подскочила на стуле так резко, что едва не выронила гребень. Сердце бешено заколотилось, готовое выпрыгнуть из груди. Отбросив дурные мысли, она накинула шаль и поспешно вышла из дома, направляясь во двор, откуда донесся шум.

На вытоптанной площадке развернулась странная картина. Люси и Степан стояли бок о бок. Барыня крепко сжимала в руках длинное охотничье ружье, а унтер-офицер держал на вытянутой руке подаренный пистолет. В десяти шагах от них переминался с ноги на ногу простой крестьянский мужик. Это был невероятно длинный и жилистый человек с растрепанными волосами и жидкой козлиной бородкой. Лицо его было настолько иссушено работой, что на вид ему можно было дать с равным успехом как двадцать, так и все сорок лет. Рядом с ним стояла плетеная корзина с красными яблоками, а у его стоптанных сапог на земле уже валялось одно целехонькое яблоко.

Осознав, что никого не убивают и это лишь барская забава, Анна облегченно выдохнула. Ее колотящееся сердце постепенно успокоилось, и она молча присела на деревянные порожки крыльца.

Стрелки тем временем принялись перезаряжать оружие. Люси, тяжело сопя и бормоча ругательства, засыпала порох из пороховницы в ствол ружья, загнала туда свинцовую пулю и принялась с ожесточением орудовать длинным шомполом, утрамбовывая заряд. Степан проделывал то же самое со своим пистолетом, загоняя пулю и взводя тугой курок с громким, хищным щелчком.

— На счет три! Раз, два, три! — зычно скомандовала Люси, вскидывая приклад к плечу.

Слуга зачерпнул из корзины яблоко и с размаху высоко подкинул его в голубое небо. Раздался новый оглушительный выстрел. Двор моментально заволокло густым сизым туманом порохового дыма, ударившим в нос запахом гари.

Когда дым слегка рассеялся, крестьянин невозмутимо наклонился, поднял из пожухлой осенней травы абсолютно целое яблоко и бросил его обратно к остальным. Вновь ни единого попадания.

Анна поудобнее устроилась на крыльце, облокотилась плечом на деревянную опору и скрестила руки на груди. Она скучающе наблюдала за этим жалким зрелищем. Слуга из раза в раз покорно метал яблоки в воздух, громыхали выстрелы, летели искры и пороховой дым, но эти двое из раза в раз позорно промахивались, лишь впустую сотрясая дневной воздух и собственное самолюбие.

После очередного оглушительного залпа, не принесшего никаких результатов, стрелки вновь принялись заряжать свое оружие. Мужик опустил взгляд, пошарил рукой в пустой плетеной корзине и неловко развел руками:

— Кончились, барыня.

Люси ударила прикладом тяжелого ружья о землю и яростно крикнула:

— Проклятие! Да как же это так получается?! Это все мужик виноват. Криво да косо кидает, ирод!

Степан, опустив дымящийся ствол пистолета, примирительно коснулся ее плеча.

— Тише, Люся, не извольте гневаться. У меня есть более потешное занятие.

С этими словами Степан исчез за дверью главного дома. Через пару минут он вернулся. В руках унтер-офицер с явным трудом нес увесистую стопку из пяти железных подносов, туго стянутых между собой толстыми кожаными ремнями.

Подойдя к крестьянину, Степан бесцеремонно накинул эту странную конструкцию ему на грудь и принялся застегивать ремни на спине. Мужик, совершенно не понимая, что происходит, лишь глуповато и покорно улыбался, переминаясь с ноги на ногу. Закончив с креплениями, Степан отступил на шаг и торжественно объявил:

— И так, смотрите! Самодельная кираса!

— Кира… Чего? — непонимающе моргнул мужик, пытаясь заглянуть себе на грудь.

Люси в восторге всплеснула руками и захлопала в ладоши:

— Браво, браво, Степан Геннадьевич! Вы мой гений!

Степан гордо вздернул подбородок и принялся объяснять:

— По результатам испытаний, пуля, выпущенная из сего пистолета на расстоянии пяти шагов, пробивает лишь три подноса, намертво застревая в четвертом. Сегодня Игорь Сергеев проверит это на себе!

Степан отмерил свои небольшие пять шагов, резко развернулся на каблуках и хладнокровно прицелился прямо в грудь крестьянину.

Улыбка разом сползла с лица мужика. Он побелел и осторожно, дрожащим голосом взмолился:

— Степан Геннадьевич, барин, видит Бог, боязно мне дело это… Пуля, она ведь дура этакая. Вчера остановило ее, а сегодня, гляди, и душу мою заберет. Не калечь мужика, меня ж дома жена ждет…

Лицо Люси исказила гримаса жестокого раздражения.

— Молчать! — властно рявкнула она. — Полно на жалость давить. Стреляйте, Степан Геннадьевич!

— Стойте! — вскрикнула Анна.

Не помня себя от гнева, она сорвалась с крыльца и подлетела к бледному крестьянину.

— Что ж за бесовское дело вы тут устроили?! — бросила она в лица своим мучителям.

Лихорадочными, трясущимися от ярости руками Анна расстегнула ремни и сняла с Игоря самодельную кирасу. Держа эту нелепую тяжелую стопку подносов в руках, она гневно продолжала:

— Как вы можете в человека стрелять?!

Люси, уязвленная такой дерзостью, ответила с ледяной злобой:

— Полно, девочка. Не вашего ума дело. Это мой мужик. Сегодня в поле работает, завтра от пули погибает.

Крестьянин, не веря своему спасению, низко поклонился Анне.

— Спасибо, госпожа…

— Прочь отсюда, — быстро и отрывисто скомандовала Анна.

Игорь в панике сорвался с места и в спешке покинул двор, растворившись за хозяйственными постройками. Анна медленно повернулась к тетке. В ее глазах горел праведный огонь.

— Почему вы относитесь к ним как к животным? — с презрением спросила она.

— Вздор, — отмахнулась Люси, высокомерно вздернув подбородок. — Я по-доброму к ним отношусь. Они любят подобные забавы, а этому мужику ничего не угрожало. Степан Геннадьевич ручается.

— Ах так… — протянула Анна, и ее голос вдруг стал пугающе спокойным.

Неожиданным для всех движением она накинула ремни на собственные плечи. Тяжелые железные подносы глухо звякнули, опустившись на ее черное бархатное платье.

— В таком случае, прошу произвести выстрел, — бросила она вызов, расправив плечи и глядя унтер-офицеру прямо в глаза.

Степан растерялся. Он опустил пистолет.

— Я не буду стрелять в госпожу, — пробормотал он, нервно сглотнув.

— Значит, вы не уверены в безопасности сей забавы? — губы Анны искривила холодная, торжествующая усмешка.

— Уверен! — вспыхнул Степан, задетый за живое. — Но стрелять в госпожу — это не есть правильно.

— Какие еще отговорки мне ждать от вас? — ядовито продолжала наступать Анна. — Вы не уверены в своем изобретении.

Выведенный из себя, Степан яростно взмахнул зажатым в руке пистолетом.

— Офицеру нельзя стрелять в даму! — выкрикнул он, краснея от злости.

— Унтер-офицеру, — с убийственным спокойствием поправила его Анна, целясь в самое уязвимое место его тщеславия.

Это было последней каплей. Лицо Степана перекосило. Он тяжело вздохнул, на мгновение опустил бешеный взгляд в пол, словно борясь с остатками здравого смысла, а затем резко вскинул руку. Темное дуло пистолета уставилось прямо в грудь Анны.

Вся ее былая спесь мгновенно испарилась. Страх сковал ее тело. Анна судорожно сглотнула и, побледнев как мел, вцепилась пальцами в свою железную кирасу.

— Степан Геннадьевич, опустите пистолет, — неожиданно спокойно, даже как-то буднично произнесла Люси. — Негоже стрелять в госпожу.

Степан тяжело выдохнул, нехотя опуская оружие. Затем он резко направился к Анне, бесцеремонно расстегнул ремни и снял с ее плеч тяжелую связку железных подносов.

Анна облегченно вздохнула. Холодный пот, выступивший на висках, неприятно холодил кожу. Она сделала несколько нетвердых шагов прочь, желая лишь одного — скрыться в доме, как вдруг за ее спиной раздался требовательный, полный бравады голос:

— Тогда стреляйте вы в меня!

Девушка обернулась. Степан, уже успевший нацепить эту нелепую броню на себя, оказался прямо подле нее. Резким, порывистым движением он вложил тяжелую рукоять заряженного пистолета в ее подрагивающие пальцы, а затем проворно отбежал на свои отмеренные пять шагов.

Он начал с вызовом стучать кулаком по своей железной кирасе, крича на весь двор:

— Стреляйте, госпожа! Чего стоите? Или боитесь, что я оказался прав?

Анна с отвращением посмотрела на вороненую сталь в своих руках и покачала головой:

— Я не буду в вас стрелять. Я не умею. И даже если бы я пошла на такую глупость, то уверена, что и с пяти шагов попала бы вам в руку или в голову.

В этот момент к ней вплотную подошла Люси.

— Трусиха, — презрительно процедила барыня.

Люси небрежно отшвырнула в траву свое охотничье ружье, грубо выхватила пистолет из рук опешившей Анны и, почти не целясь, спустила курок.

Оглушительный грохот разорвал утренний воздух. Раздался громкий, пугающий металлический лязг. В месте удара снопом брызнули желтые искры, и чудовищная сила попадания свалила Степана с ног. Он рухнул на землю, словно подкошенный.

Люси выронила дымящийся пистолет и с немым ужасом прикрыла рот рукой.

Анна, забыв обо всем, тут же подбежала к упавшему унтер-офицеру. Тот жалобно, прерывисто взвыл, хватая ртом воздух. Девушка упала на колени и принялась быстро, ломая ногти, расстегивать ремни, чтобы снять эту проклятую нелепую броню. Швы на его простой льняной рубахе в самом центре чуть разошлись от натяжения.

Откинув подносы в сторону, Анна осторожно задрала ткань рубахи и ахнула. Все вышло ровно так, как и говорил Степан: пуля действительно остановилась в четвертом подносе, не пробив плоть, но страшная сила тупого удара оставила на его груди огромный, жутко, наливающейся багровой чернотой синяк.

Люси, наконец справившись с оцепенением, подбежала следом. Увидев, что она наделала, барыня прижала дрожащие руки к губам.

— Господи! Степочка! — запричитала она с искренним испугом. — Прости меня! Прости. Ты же сам говорил, что ничего тебе не будет!

Степан, кривясь от невыносимой боли, с трудом сфокусировал на ней мутный взгляд.

— Людмила… — прохрипел он.

— Да, Степочка, да! — тут же отозвалась барыня, склоняясь над ним.

— Умолкните, ради Бога, — простонал унтер-офицер, жмурясь.

Поняв, что от причитаний тетки сейчас толку мало, Анна решительно подхватила Степана за плечи.

— Берите его за ноги! — скомандовала она растерянной Люси.

Вдвоем, тяжело дыша и оступаясь, они потащили раненого в дом. Благо, Степан не отличался крупным телосложением, и женщины сумели затащить его по ступеням крыльца.

Они уложили его на мягкий диван в гостиной. Анна без сил опустилась рядом, тяжело дыша и неотрывно смотря на корчащегося от тупой боли Степана, пока Люси, окончательно потеряв свое холодное барское величие, в панике бегала по коридорам и истерично отдавала указы насмерть перепуганной дворне нести лед, воду и бинты.

Анна сидела рядом, внимательно глядя на корчащегося унтер-офицера.

— Вы знали, что произойдет, если выстрелить, не так ли? — тихо, без тени сочувствия спросила она.

Степан болезненно сморщился и с трудом перевел дух.

— Я знал… знал, что будет неприятно, — хрипло выдавил он. — Но я не думал, что настолько.

Анна снова перевела взгляд на жуткий, наливающийся свинцовой чернотой синяк на его груди.

— Может, послать за врачом? — ровным голосом предложила она.

— Не надо, — Степан отмахнулся, жмурясь от накатывающей боли. — Переживу.

Решив, что разговор окончен, Анна поднялась с дивана, чтобы уйти, но Степан вдруг окликнул ее:

— Стойте.

Девушка помедлила и плавно опустилась обратно на свое место, ожидая, что еще скажет этот поверженный гордец.

— Где мой портрет? — требовательно спросил Степан, тяжело глядя на нее. — Я потратил на него кучу денег.

— Люси потратила на него кучу денег, — со спокойствием поправила его Анна.

Степан закатил глаза, всем своим видом показывая крайнюю степень утомления от ее упрямства.

— Люси потратила на него кучу денег… — раздраженно передразнил он. — Так где он?

Анна невинно пожала плечами, и на ее губах скользнула легкая полуулыбка.

— Понятия не имею, о чем вы, Степан Геннадьевич.

— Верните мне его, — сквозь зубы процедил фаворит тётки.

— Только в том случае, если вы вернете мне мою комнату, — поставила свое условие Анна, глядя на него сверху вниз.

Уязвленное самолюбие Степана взяло верх над здравым смыслом. Он упрямо сжал челюсти.

— Она моя была и будет.

Анна медленно встала, изящным жестом расправляя складки своего черного платья.

— Что ж, жаль, что портрет ваш бесследно исчез, — бросила она с вежливой, но ядовитой насмешкой. — Уверена, вы отлично на нем получились.

В этот самый момент в гостиную, словно ураган, вбежала запыхавшаяся Люси в сопровождении суетящейся дворни. Барыня подлетела к дивану, резко приложила завернутый в ткань лед прямо к ране и истерично запричитала:

— Степочка, родненький! Как ты? Любимый…

Степан, скривившись то ли от обжигающего холода, то ли от невыносимой назойливости стареющей любовницы, раздраженно скинул лед со своей груди. Не проронив ни слова, он отвернулся и лег к Люси спиной, уткнувшись лицом в обивку дивана.

Анна с насмешливой, ледяной улыбкой окинула взглядом эту жалкую сцену. Поняв, что спектакль окончен, она бесшумно покинула гостиную и направилась обратно в осенний двор — собирать оружие, что было небрежно брошено в утренней суматохе.

Выйдя из удушливого дома на свежий осенний воздух, Анна спустилась с крыльца в опустевший двор. В нос тут же ударил слабый, но едкий запах сгоревшего пороха. Оружие, брошенное теткой и ее фаворитом в панике, валялось прямо в пожухлой траве. Анна наклонилась, подняла тяжелое охотничье ружье и закинула его ремень себе на хрупкое плечо, а затем крепко сжала в руке холодную рукоять пистолета.

Она уже собиралась вернуться в дом, как вдруг обернулась и вздрогнула. Всего в нескольких шагах от нее стоял тот самый мужик, которого она чудом спасла от пули. Он переминался с ноги на ногу, пряча крупные, натруженные руки за спиной.

Подойдя к Анне чуть ближе, крестьянин виновато опустил глаза и заговорил:

— Жалостно мне, что беда такая вышла… Видит Бог, знал бы, что с барином такое дело плохое выйдет — ни в жизнь бы не ушел.

На губах Анны мелькнула холодная, мстительная улыбка.

— Да поделом этому «барину», — усмехнулась она.

Мужик воровато оглянулся на окна усадьбы, снизил голос почти до шепота и сказал:

— Вы добро сделали мне, ваша милость.

Он наконец убрал руки из-за спины. В его грубых, мозолистых пальцах лежал аккуратно сложенный платок, расшитый красивыми, яркими цветочными узорами. Мужик неловко протянул его Анне:

— Вам, барыня, мои копейки не нужны, и в хлебе вы не нуждаетесь. Вот вам от моей жены, в благодарность.

Анна посмотрела на яркую ткань. Ее лицо немного смягчилось, ледяная маска дала трещину. Она с укором, но почти тепло посмотрела на крестьянина:

— Врете и не краснеете, сударь.

Мужик, поняв, что его раскусили, не стал больше ничего выдумывать. Он смущенно махнул рукой и простодушно признался:

— Да какой же я вам сударь, ваша светлость… А платок я и вправду у жены стащил. Она сама сшила.

Анна осторожно, кончиками пальцев забрала подарок.

— Хоть вы и вор, но спасибо, — искренне произнесла она. Девушка окинула взглядом неловко ссутулившегося крестьянина и добавила: — Вас же зовут Игорь?

Мужик густо покраснел, почесал затылок и забормотал:

— Ну что ж вы как к барину ко мне обращаетесь… Не по божески это.

— В моем родном доме дворня была лишь в моем детстве, когда отец был дома, — призналась Анна, и в ее голосе проскользнула затаенная грусть по утраченному прошлому. — Мне не в привычку общаться с крестьянами.

Крестьянин посмотрел на нее с доброй, понимающей улыбкой.

— Ну, в следующий раз Игорем меня кличите, и сударей никаких не надо. Просто Игорь.

Анна слегка улыбнулась. Одно лишь звучание этого имени теплом отозвалось в ее груди.

— У меня мужа так звали… — невольно сорвалось с ее губ.

Услышав это, мужик скорбно вздохнул и стянул невидимую шапку:

— Сожалею, госпожа. Царство ему Небесное.

Сердце Анны болезненно сжалось. Паника ледяной иглой уколола ее изнутри, и она резко, почти испуганно перебила его:

— Ох, нет, нет, нет! Не звали — зовут! По-прежнему зовут. Он жив, просто… далеко очень. Он… военный у меня.

Крестьянин понимающе кивнул, и на его лице отразилась задумчивость.

— Я тоже как-то хотел рекрутом стать, — поделился он. — Когда в деревне выбирали, каких мужиков отдать в солдаты, я очень хотел спасти своего брата. Но меня жена моя отговорила. Радость, что жена у меня умница.

Улыбка окончательно сошла с лица Анны. Зеленые глаза потускнели, наполнившись непроглядной тоской.

— А я своего не отговорила… — тихо, с надрывом произнесла она.

Над осенним двором повисло тягостное, удушливое молчание. Мужик, почувствовав, что нечаянно задел кровоточащую рану, неловко переступил с ноги на ногу и снова почесал голову.

— Ну… пошел я, наверное, госпожа, — тихо сказал он. — Если вдруг что, знаете, как кликать меня.

— Прощайте, Игорь, — грустно ответила Анна.

Крестьянин развернулся и медленно побрел прочь. Анна смотрела ему вслед, и, когда он оказался уже достаточно далеко, ее губы едва заметно шевельнулись.

— Я буду вас ждать… Игорь, — прошептала она в пустоту стылого осеннего воздуха. — До седых волос.

Постояв еще немного во дворе, она поправила ремень ружья и медленно, словно неся на плечах неимоверную тяжесть, пошла в усадьбу. Пройдя по коридорам, Анна повесила тяжелое ружье на его законное место на стене, а пистолет Гаврилова положила на стол.

Затем, крепко сжимая в руке подаренный пестрый платок, она направилась к себе в сырую, нетопленую пристройку. Закрыв за собой скрипучую дверь, Анна в полном изнеможении, прямо в черном платье опустилась на жесткую кровать.

Ее взгляд устремился на стену, где в массивной чужой раме висел свадебный портрет.

Анна прижала к лицу украденный крестьянский платок, и ее плечи судорожно затряслись. Спрятавшись в цветастой ткани, она наконец дала волю скопившейся боли и страху, и тихо, горько и безутешно разрыдалась.

Но дать волю чувствам ей не дали.

— Анна! Обед подан, ступайте в столовую! — раздался из коридора скрипучий голос Люси.

Девушка медленно поднялась. Она промокнула заплаканные глаза пестрой тканью, глубоко вздохнула, возвращая лицу привычное холодное выражение. Поправив складки черного платья, Анна вышла на зов.

В малой столовой царила гнетущая атмосфера. Степан уже сидел за столом. После чудовищного удара в грудь он боялся лишний раз пошевелиться, сидя с неестественно прямой спиной и вжав голову в плечи. Рядом с ним, словно наседка, суетилась Люси.

Анна молча заняла свое место, и они принялись за еду. Степан с огромным трудом орудовал вилкой — каждое движение отдавалось тупой болью в ушибленных ребрах. Заметив его мучения, Люси сочувственно всплеснула руками:

— Степочка, мой родной… Хотите, я велю дворне, чтобы она кормила вас с ложечки? Хотите?

Степан даже не повернул головы в ее сторону.

— Нет, — ледяным, отрывистым тоном бросил он.

Люси и Анна вскоре доели свои порции и теперь в тишине наблюдали, как Степан, тужась и тяжело дыша, пытается справиться с обедом. Наконец, Люси не выдержала. Она мягко положила свою ладонь на его руку и заискивающе спросила:

— Степочка, чего бы вы еще хотели?

Унтер-офицер медленно опустил вилку.

— Чтобы вы на глаза мне не попадались, — процедил он сквозь зубы. — Обижен я.

Лицо Люси мгновенно пошло красными пятнами. Вся ее нежность мигом улетучилась, уступив место барскому гневу. Она резко встала, несильно стукнула ладонью по дубовому столу и возмущенно выкрикнула:

— Ну знаете, Степан Геннадьевич, полно ваших капризов! Я вас тоже не желаю видеть. Ведете себя как малое дитя!

Тяжело, гневно впечатывая каблуки в паркет, Люси вышла из столовой.

Анна с легкой, удовлетворенной улыбкой проводила тетку взглядом, а затем ее зеленые глаза остановились на Степане. Унтер-офицер сидел неподвижно, стараясь не шевелиться от простреливающей боли. На его лице не дрогнул ни один мускул, оно было пустым и каменным. Эта нелепая попытка сохранить гордый вид с этими щеголеватыми, топорщащимися усиками, вдруг показалась Анне до невозможности смешной.

Тишина столовой нарушилась тихим фырканьем. Анна не выдержала и начала хихикать, прикрывая рот ладонью.

Степан, не меняя своей каменной позы, ровным, безжизненным тоном осведомился:

— Что вам кажется смешным? Моя телесная боль или наша ссора с вашей тетушкой?

Но Анну уже было не остановить. Напряжение утра требовало выхода, и она продолжала звонко смеяться, глядя на его окаменевшую физиономию.

Степан скрипнул зубами.

— Что вы смотрите на меня, как на зверя диковинного? — раздраженно бросил он. — Признавайтесь, на кого я похож?

Анна, наконец отсмеявшись и промокнув уголки глаз, с наслаждением ответила:

— На ежика, Степан Геннадьевич. На ежика с мягким брюшком.

Глаза унтер-офицера недобро сузились.

— За что вы меня так не любите, Анна Игнатовна? Какое зло я вам сделал?

Улыбка Анны стала холодной и колючей.

— Вы забрали мою комнату и поселили в сырой пристройке. Вы тратите деньги моей тетушки и ведете себя так, будто вы здесь хозяин.

— Какое дело вам до денег вашей тети? — презрительно фыркнул Степан, кривясь от боли. — Ах да, вы же приживалка, надеющаяся на милость кровушки в виде наследства. Не питайте себя иллюзиями, Анна Игнатовна. Наследства вам не видать, мужа не будет. Живите тем, что есть.

Эти слова должны были ранить, но Анна лишь грациозно откинулась на спинку тяжелого стула.

— К чему мы понапрасну слова разбрасываем, когда можно заняться чем-то более полезным? — небрежно бросила она.

Степан удивленно, преодолевая боль, приподнял бровь:

— И чем же? Удивите, госпожа.

— Карты, — просто ответила Анна. — Предлагаю нам сыграть партию. Если побеждаю я, то комната моя. Если вы, то я отдаю ваш портрет.

— Так вы играть не умеете, — усмехнулся унтер-офицер. — Вы сами мне об этом говорили.

— Вчера говорю одно, завтра — другое. Слова меняются, как ветер, — Анна пожала плечами. — Батюшка научил меня кое-чему.

Степан смерил ее подозрительным, оценивающим взглядом. Азарт шулера все же взял верх.

— Я готов сыграть, но для начала хочу понять, на что вы способны, — протянул он. — Я давал вам десять монет в прошлый раз. В этот раз ваши десять монет — это мой портрет. Такова его цена будет. А комната будет стоить сто рублей.

— Пятьдесят! — тут же парировала Анна.

— Сто, — упрямо отрезал Степан.

— Ну уж нет, — девушка покачала головой. — Пятьдесят.

— Значит, игры не будет, — он сделал вид, что теряет интерес.

— Очень жаль, — вздохнула Анна, собираясь встать.

— Комната в разы дороже портрета, — раздраженно остановил ее Степан. — Портрет просто лежит у вас на хранении, и рано или поздно я его верну, а комната полезна здесь и сейчас. Вы понимаете это, Анна Игнатовна?

— Жаль, мы не понимаем друг друга, Степан Геннадьевич, — Анна с сожалением развела руками. — Уверена, игра была бы очень интересной.

Степан скривил лицо от досады, понимая, что она ускользает.

— Восемьдесят пять рублей.

— Пятьдесят пять.

— Семьдесят пять, и всё! — рявкнул он, хлопнув здоровой ладонью по колену.

— Я услышала «шестьдесят пять», я согласна! — молниеносно откликнулась Анна с лучезарной улыбкой. — Где карты?

— Я не соглашался! — возмутился было Степан.

Но Анна уже встала из-за стола, решительно направляясь к резному серванту.

— Как хорошо, что мы друг друга понимаем, Степан Геннадьевич, — невозмутимо пропела она, принимаясь открывать ящики.

Степан, шокированный этой беспардонной, истинно шулерской дерзостью, вдруг искренне, хоть и через боль, улыбнулся.

— В верхнем ящике, слева, — подсказал он. А затем самодовольно добавил: — Я все равно победил. Вы говорили, что только за пятьдесят согласны, а в итоге согласились на шестьдесят пять.

Анна достала засаленную колоду карт. Она обернулась, посмотрела на самодовольного фаворита тётки и, приложив руку к груди, с иронией вздохнула:

— Какая же я дуреха. Обвели вы меня вокруг пальца, Степан Геннадьевич. Просто обвели вокруг пальца.

Анна вернулась за дубовый стол, грациозно опускаясь на стул. Потертая колода в ее тонких, бледных пальцах ожила: карты зашуршали, перетекая из одной руки в другую с пугающей, гипнотической легкостью.

— Итак, правила просты, — произнесла она, не отрывая взгляда от мелькающих картинок. — Наша первая ставка: я ставлю ваш исчезнувший портрет, который мы оценили в десять рублей. Что ставите вы?

Степан попытался самодовольно откинуться на спинку стула, но ушибленная грудь тут же отозвалась резкой болью. Он болезненно сморщился, с шипением втянул воздух сквозь стиснутые зубы и невольно схватился за ребра.

— В деревянной шкатулке, что стоит вон там, на каминной полке, — он с трудом кивнул в сторону камина, — лежат десять новеньких серебряных монет. Они ваши, если чудом обыграете меня. Сдавайте, госпожа. Играем в «двадцать одно».

Анна начала раздавать. Степан, морщась от каждого движения, потянулся к своим картам. Его рука дрогнула, и он снова издал глухой, жалкий стон, скорчившись над столом.

Глядя на эту беспомощную позу недавнего наглого фаворита, Анна не выдержала. Она прикрыла рот ладонью и тихо, но отчетливо прыснула со смеху.

— Издеваетесь? — зло прохрипел Степан, исподлобья глядя на нее.

— Что вы, Степан Геннадьевич, — Анна продолжала хихикать, сдавая себе карту. — Просто вы так забавно кряхтите. Истинный герой поля боя.

Игра началась. Сначала они шли вровень. Степан играл агрессивно, рисковал, но боль мешала ему сосредоточиться. Он тяжело дышал, то и дело потирая грудь и теряя счет вышедшим картам. Анна же была воплощением ледяного спокойствия. Ее отец, проигравший целое состояние, на закате своей жизни открыл ей главную тайну карточного стола: истинное мастерство заключается не в слепой удаче, а в ловкости пальцев, холодной памяти и умении управлять вниманием противника.

Держа колоду в левой руке и готовясь сдать следующую карту, Анна случайно подняла глаза. В щели чуть приоткрытой двери, ведущей в темный коридор, она уловила движение. Там стояла Люси. Барыня, затаив дыхание, напряженно подглядывала за ними сквозь узкую щель, словно ревнивая ищейка. Их взгляды на долю секунды встретились. Глаза Люси испуганно расширились, и она мгновенно отшатнулась в темноту. Дверь бесшумно притворилась.

Анна лишь мысленно усмехнулась этой жалкой паники тетки. Внимание Степана было приковано к его картам — он ничего не заметил.

Настал решающий кон.

— Две десятки. Двадцать, — Степан с победным, хотя и болезненным оскалом бросил карты на сукно. — Хватит. Ваша очередь, госпожа. Переберете — и портрет мой.

У Анны на руках были туз и шестерка — семнадцать очков. Этого было недостаточно, чтобы побить Степана, который уже остановился на двадцати. Ей нужен был король, дающий ровно четыре очка, чтобы собрать победное двадцать одно.

Ее лицо осталось непроницаемым, но большой палец едва ощутимо скользнул по ребру верхней карты в колоде. Она нащупала крошечную вмятину, которую сама же оставила ногтем пару конов назад. Десятка. В сумме с ее картами это давало двадцать семь — верный перебор и проигрыш. Однако Анна точно знала, что нужный ей король находится на самом дне колоды: во время своей тасовки она аккуратно стянула его вниз и удерживала там, ни разу не перекрыв другими картами.

— Еще одну, — спокойно констатировала она, собираясь сдать карту себе.

Степан впился напряженным взглядом в ее руки, но в этот момент Анна чуть подалась вперед, словно желая поправить выбившуюся прядь остриженных волос, и легко, обезоруживающе улыбнулась ему. Этот изящный маневр и прямой зрительный контакт заставили Степана рефлекторно поднять глаза на ее лицо.

Этой доли секунды хватило. Левый средний палец Анны, скрытый под колодой, бесшумно и молниеносно выдвинул нижнюю карту, в то время как большой палец сделал обманное движение, лишь имитируя сдвиг верхней. Ловкие, натренированные долгими московскими вечерами руки сработали идеально. Движение было мягким, быстрым и невидимым, словно бросок змеи.

Она перевернула вытянутую карту. Король.

— Двадцать один, — с милой улыбкой произнесла Анна, открывая свои карты. — Я победила.

Улыбка Степана медленно сползла. Он нахмурился, переводя недоверчивый взгляд с короля на изящные руки Анны, которые теперь спокойно положили целую колоду на стол.

— Постойте… — пробормотал он, прищурившись. — Я не слышал привычного шелеста верхней карты.

Он уперся тяжелым взглядом в Анну.

— Вы… шельмуете, — тихо, с изумлением произнес Степан. — Вы сдали снизу!

— Степан Геннадьевич, — Анна оскорбленно приподняла бровь, но в уголках ее губ пряталась откровенная издевка. — Грешно обвинять даму в бесчестии лишь потому, что вам изменила удача. Или, быть может, боль в вашей ушибленной груди помутила ваш рассудок, и вам мерещатся дешевые балаганные фокусы?

Степан сжал кулаки. Он знал, что она смухлевала. Он нутром чуял этот грязный, трюк, но доказать ничего не мог. Ее рукава были узки, никаких лишних карт на столе не было, колода лежала ровным блоком, а король издевательски смотрел на него с сукна. Поймать ее за руку он не успел, а слова к делу не пришьешь. Бессильная злоба смешалась с физической болью, и он лишь тяжело, прерывисто выдохнул, отворачиваясь.

Анна не стала дожидаться дальнейших обвинений. Она грациозно поднялась со стула, подошла к каминной полке и открыла деревянную шкатулку. На дне тускло блеснуло серебро. С приятным, тяжелым звоном она сгребла десять серебряных монет в свою ладонь.

Вернувшись в пристройку, Анна достала из кармана выигранные серебряные монеты. С приятным звоном она выложила их на грубый деревянный стол. Тяжелый металл холодил тонкие пальцы, но мимолетная радость победы быстро уступила место тягучей усадебной скуке.

В тишине убогой комнаты Анна вдруг вспомнила тот испуганный, ревнивый взгляд Люси, мелькнувший в дверной щели во время карточной игры. От нечего делать и отчасти движимая холодным любопытством, девушка решила навестить тетушку, чтобы посмотреть, как та переживает размолвку со своим фаворитом.

Пройдя по тихим коридорам, Анна вошла в хозяйские покои. Люси сидела в глубоком бархатном кресле. Лицо барыни было мрачным, обиженным и донельзя недовольным.

— Госпожа, как ваше самочувствие? — вежливо, с безупречной светской учтивостью поинтересовалась Анна, останавливаясь неподалеку.

Люси даже не повернула головы.

— Кто выиграл? — сухо и отрывисто бросила она вместо приветствия.

Анна невинно приподняла брови.

— Вы о чем, госпожа Люси?

— Я об игре в карты, — раздраженно пояснила тетка, буравя племянницу потяжелевшим взглядом.

— Я победила, — спокойно, без тени торжества ответила Анна. — Степану Геннадьевичу не повезло.

Люси недовольно поджала губы. Она пожевала нижнюю губу, а затем с нескрываемой, почти детской обидой произнесла:

— Почему он в обиде на меня, если он получил пулю из-за вас?

Не дожидаясь приглашения, Анна грациозно опустилась в соседнее кресло, аккуратно расправив подол черного платья.

— Он получил пулю из-за своей дурости, — отвечала девушка ровным тоном. — В этом не виноваты ни я, ни вы, и даже не мужик. А он сам.

Слова племянницы заставили барыню задуматься. Напряженные морщины на ее лице чуть разгладились, уступая место мстительному удовлетворению.

— А впрочем, справедливо, — неохотно, но с явным облегчением согласилась Люси. Она злорадно усмехнулась: — То ли еще обижаться будет. Как деньги закончатся, так сразу прибежит на поклон.

— Вот и правильно, — кивнула Анна, искусно подыгрывая уязвленной гордости хозяйки. — Нечего душу терзать из-за вредины.

В комнате повисла небольшая пауза. Казалось, в этот момент между ними установилось некое странное, мимолетное взаимопонимание, рожденное общим снисходительным презрением к поверженному унтер-офицеру. Желая закрепить этот хрупкий мир и отвлечься от собственных мрачных мыслей, Анна предложила:

— Хотите, я вам книжку почитаю, госпожа? Мы с вами не дочитали про купца Шестакова.

Люси тяжело вздохнула и лениво махнула рукой, поудобнее устраиваясь среди мягких подушек.

— Неси книгу. Я под нее хорошо засыпаю.

Анна бесшумно выскользнула из покоев тетки, направилась в кабинет и вскоре вернулась, держа в руках старую рукопись в рассохшемся кожаном переплете. Люси тем временем уже поудобнее устроилась среди бархатных подушек, откинув голову на спинку кресла и прикрыв глаза в ожидании.

Девушка села напротив, бережно открыла ветхую тетрадь на заложенной странице. Разгладив пожелтевшую от времени бумагу, она поймала певучий, размеренный ритм старинного слога и начала читать вслух тем же спокойным, умиротворяющим голосом:

— «Влившись в ряды лихой речной вольницы, сделался молодой Иван Шестаков ушкуйником, грозой полноводной Волги да Камы. Нрав его горячий да сила богатырская быстро снискали ему уважение среди ватаги. В ту пору и добыл он себе верного спутника — тяжелый арбалет превосходной работы, который берег пуще ока своего. С сим грозным самострелом юноша никого не страшился, чая стяжать в речных набегах славу великую да добычу богатую».

Анна сделала короткую паузу, переворачивая хрупкую страницу, и продолжила:

— «Обаче недолго судилось молодому Шестакову гулять на речных просторах да тешить свою гордыню. Прослышали в Москве о дерзости новгородской вольницы, и послала проклятая Москва рать великую, дабы извести речных разбойников на корню. Сошлись они в жестоком бою прямо на реке. Иван, преисполненный юношеской отваги, вскинул свой верный арбалет, изготовившись пустить жало железное во врага. Да только московиты ударили столь стремительно и яростно, что не успел он даже на спуск нажать. Смели их ладьи, словно щепки. Кого из ватаги на месте посекли, а кого в плен взяли, дабы после на воротах повесить».

Голос Анны звучал ровно, заполняя тишину комнаты картинами жестокой речной сечи.

— «В той страшной сумятице сокрушительный удар разнес их суденышко, и сбросило Ивана в холодные воды. Тяжелое платье потянуло его на дно. Нахлебавшись мутной речной воды, юноша погрузился во тьму, чая, что пришел его смертный час, и дух его готов был предстать пред Господом. Но неисповедимы пути Всевышнего. Очнулся Иван на сыром берегу от того, что некий неведомый муж, склонившись над ним, припал к его устам и отдавал ему свой собственный воздух. Дышал тот спаситель в бездыханную грудь Ивана, покуда тот не закашлялся, изрыгнув речную воду, и не вернулся к жизни. Искренне уверовал тогда спасенный отрок, что сей благодетель милосердно делился с ним дыханием жизни, когда его собственное иссякло».

Девушка чуть улыбнулась наивной, но трогательной вере спасенного юноши, принявшего чудную помощь за чудо, и дочитала главу:

— «Оставшись без ватаги, потеряв свой заветный арбалет и лишившись былой гордыни, изможденный и чудом избежавший московской петли Шестаков осознал всю тщету разбойного пути. С поникшей головой, но с живым сердцем, побрел он обратно в Великий Новгород. Вернувшись под сень отчего дома, пал он в ноги суровому батюшке, покаявшись в своем буйстве. Так закончилась юность лихого ушкуйника, и порешил Иван отныне взяться за ум, стать честным купцом и перенять тайны отцовского ремесла».

Дочитав, Анна мягко захлопнула старую рукопись. Ирония судьбы новгородского разбойника, едва не сгинувшего от рук московской рати, показалась ей весьма примечательной. Она перевела взгляд на тетку. Люси еще не уснула, но дышала уже тяжело и глубоко.

— Забавно, что его потомок оказался москвичом, не находите, тетушка? — с легкой усмешкой произнесла Анна, вспомнив тучного продавца с ярмарки, который когда-то сбыл эту тетрадь мужу Люси.

Барыня недовольно поморщилась, даже не открывая глаз.

— Идиоты эти Шестаковы, — сварливо и сонно пробормотала Люси. — Пойти в разбойники? Туда идут ленивые мужики, что поле не хотят сеять, да… — она прервалась на глубокий, затяжной зевок, — да чужое добро потрошить…

Анна тихо поднялась с кресла.

— Я вас оставлю, тетушка. Вы не против? — полушепотом спросила она.

Вместо ответа Люси, уже почти провалившаяся в тяжелый сон, лениво и как-то нелепо махнула ногой. В этом странном, пренебрежительном барском жесте Анна безошибочно уловила согласие. Девушка бесшумно закрыла за собой дверь и направилась к себе.

Вернувшись в свои бедные покои, она подошла к деревянному столу. На грубой поверхности лежала её сегодняшняя «добыча»: красивый, пестрый, но еще влажный от недавних горьких слез крестьянский платок и десять тяжелых серебряных монет, тускло поблескивающих в тусклом свете из окна.

Неплохая доля ей сегодня досталась.

Смотря на эти вещи, Анна вдруг поймала себя на пугающей, но странно пьянящей мысли. Эти безумные, жестокие, выматывающие до дна дни в усадьбе вдруг показались ей куда более предпочтительными, чем то унылое, сводящее с ума, серое ожидание в пустом родном доме.

Здесь, на грани жизни и смерти, среди интриг и сумасшествия, она парадоксальным образом чувствовала себя живой.

Еще вчера она сидела на этом самом месте сломленной, беспомощной жертвой. Она была одна против двоих мучителей, которые, глумясь, лишили ее волос и достоинства. Но что произошло сегодня? Сегодня она разлучила их, разбила их союз и заставила плясать под свою дудку. Она обыграла шулера, унизила его и выставила дураком.

В груди разгоралось незнакомое, темное пламя. В этой дикой усадьбе с ее волчьими законами Анна осознала, что больше не является овцой на заклание. Она почувствовала, как внутри просыпается хищник. Кротость московской барышни исчезла вместе с отрезанными волосами.

И, как бы цинично это ни звучало даже для нее самой, она уже ясно видела свою ближайшую добычу. Для начала она вышвырнет Степана и вернет себе свою теплую, светлую комнату. А затем… затем, если ей хватит расчетливости и хладнокровия, львиная доля наследства тетушки Люси тоже перейдет в ее цепкие руки.

Глава 5Госпожа с охотничьим ружьём

Позднее осеннее утро тусклым светом просачивалось сквозь мутные стекла пристройки. Анна, одетая лишь в простую льняную сорочку, спала глубоким, тяжелым сном, укрывшись с головой. Изматывающие события вчерашнего дня забрали все ее силы, и тело требовало отдыха.

Внезапно тишину разорвал резкий, громкий стук.

Вырванная из сна, Анна испуганно вздрогнула. Решив спросонья, что кто-то требовательно колотит в ее дверь, она поспешно откинула одеяло, сбросила босые ноги на холодный пол и торопливо шагнула к выходу. Но не успела она сделать и пары шагов, как ступня напоролась на что-то твердое и невыносимо острое.

Анна громко вскрикнула от пронзившей ее боли и, потеряв равновесие, рухнула обратно на край кровати.

Тяжело дыша и схватившись за ногу, она посмотрела вниз. У кровати, прислонившись вертикально к стене, стоял ее свадебный портрет. Анна перевела взгляд на свою пульсирующую болью ступню — из мягкой кожи торчал небольшой гвоздь. Тот самый, на котором висела картина. Старый металл попросту не выдержал веса тяжелой рамы и вывалился из отсыревшей древесины стены прямо ей под ноги.

Стиснув зубы, Анна ухватилась пальцами за гвоздь и резким движением выдернула его из плоти. Из ранки тут же показалась темная капля крови. Тихо шипя от боли, она быстро промыла ногу ледяной водой из кувшина и туго перевязала ступню оторванным лоскутом чистой ткани.

Немного придя в себя и справившись с болью, Анна стянула сорочку. Сегодня она не стала надевать то черное бархатное платье, что навязала ей Люси. Вместо этого она достала из сундука свое собственное платье. Надев его, Анна почувствовала себя так, словно вернула себе часть прежней независимости.

Застегнув последнюю пуговицу, девушка наклонилась и бережно подняла с пола тяжелый портрет. Искать новый гвоздь и вешать картину на ненадежную стену она не стала. Вместо этого Анна аккуратно положила холст прямо на кровать, устроив его рядом с тем местом, где спала сама.

Выйдя из своей холодной пристройки, Анна слегка прихрамывая из-за перевязанной ступни, неспешно направилась по коридорам усадьбы. Чем ближе она подходила к гостиной, тем сильнее воздух пропитывался едкой вонью табака.

Войдя в комнату, она застала Люси и Степана сидящими в глубоких креслах. Барыня с крайне недовольным, хмурым видом сжимала в руках вчерашнее охотничье ружье. Степан же, напротив, выглядел на удивление расслабленным для человека с огромным синяком на груди: он сидел откинувшись на подушки и мелкими глотками спокойно попивал красное вино из хрустального бокала.

Анна остановилась на пороге и с легкой насмешкой поинтересовалась:

— Сегодня опять по яблокам стрелять изволите, или… в Степана Геннадьевича?

Степан лениво перевел на нее взгляд и ядовито усмехнулся:

— Сегодня будем стрелять в вас, госпожа.

— Полно вам говорить такое госпоже, — одернула его Люси, не отрывая взгляда от тяжелого ружья на своих коленях. А затем со злобой добавила: — Рыжая тварь испортила мне все обои.

— Тот кот? — удивленно вскинула брови Анна. — Вы решили его застрелить? Не считаете это излишне жестоким?

Люси тяжело вздохнула, посмотрев на племянницу с откровенным презрением.

— Вы излишне мягкотелы, Анна. Запомните: если кто-то вас травит, госпожа, травите его в ответ. Это ваше законное право.

На губах Анны заиграла холодная, едва уловимая улыбка.

— Учту, госпожа, — кротко произнесла она.

Ее взгляд скользнул по небольшому круглому столику возле Степана Геннадьевича. Рядом с бутылкой вина лежала россыпь папирос и массивное огниво. Анна на мгновение задумалась. В столичном светском обществе курение для приличной дамы считалось неслыханным позором. Но она давно уже не в светском обществе, и любые столичные манеры в этом доме разбивались вдребезги о простое нахождение наглого унтер-офицера рядом с хозяйкой.

Сделав вид, что собирается пройти мимо, Анна шагнула вперед и, словно невзначай, неуклюже толкнула столик задом.

Раздался грохот. Столик опрокинулся, вино плеснуло на ковер, а папиросы веером разлетелись по паркету.

— Ох, какая я неуклюжая, — невинным тоном воскликнула Анна, тут же присаживаясь на корточки.

Она принялась нарочито медленно собирать рассыпанный табак. Степан, скривившись от боли, лишь беспомощно наблюдал за ней с кресла — любые резкие движения отдавались мучительной болью в его груди, и помешать ей он не мог. Пользуясь моментом, Анна ловко сгребла папиросы, но одну из них вместе с кресалом и трутом незаметно убрала в глубокий карман своего платья.

Положив оставшиеся папиросы на поднятый столик, она выпрямилась.

— Ну, пожалуй, оставлю я вас. Пойду подышу свежим воздухом.

Развернувшись, она вышла на крыльцо. Погода стремительно портилась. Небо затянули темные, свинцовые тучи, нависшие над усадьбой тяжелым куполом, а вдалеке, над лесом, угрожающе гремел первый осенний гром.

Анна опустилась на деревянные ступени крыльца, поежившись от холодного ветра. Она достала из кармана украденную папиросу и огниво. Из-за строгого государева запрета на опасные фосфорные спички, добыть огонь было непросто. Девушка с непривычки долго и с трудом чиркала железным кресалом о кремень, высекая искры. Наконец, трут затлел. Прикурив папиросу от крошечного тлеющего огонька, Анна сделала первый глубокий вдох.

Горло тут же обожгло крепким табаком, и она зашлась сухим, надрывным кашлем, вытирая выступившие на глазах слезы. Но, отдышавшись, она сделала вторую затяжку — уже осторожнее. Острый дым наполнил легкие, принося странное, дурманящее успокоение. Анна откинулась спиной на деревянный столб крыльца, прикрыла глаза и, вслушиваясь в раскаты далекого грома, начала медленно курить, позволяя себе наконец расслабиться.

Анна сделала последнюю, глубокую затяжку, затушила окурок о деревянные перила и сбросила его в стылую осеннюю траву. Голова слегка кружилась от непривычно крепкого табака, но на душе стало поразительно спокойно. В этот момент она заметила показавшуюся из-за угла фигуру. Это был один из дворовых людей — запыхавшийся, в накинутом поверх рубахи армяке. Мужик робко приблизился к крыльцу и, стянув шапку, молча протянул барышне плотный бумажный конверт, скрепленный сургучной печатью.

Анна взяла письмо. На плотной бумаге не было обратного адреса, почерк казался ей незнакомым, а оттиск на сургуче смазался. Жестом отпустив слугу, она направилась обратно в дом, чтобы отдать послание хозяйке.

Пройдя по коридору, Анна заглянула в малую гостиную. Люси стояла у распахнутого окна. Холодный ветер трепал ее волосы, но барыня не обращала на это внимания — она напряженно сжимала в руках длинное охотничье ружье, прижимая тяжелый приклад к плечу.

— Вы всё в обиде на жалкое животное, госпожа Люси? — поинтересовалась Анна, останавливаясь в нескольких шагах позади нее.

Люси, не отрывая взгляда от прицела, плотоядно улыбнулась:

— Нет, моя девочка.

Анна подошла ближе, проследила за направлением ствола и увидела цель. На старом деревянном мостике, вдающимся в стылые воды усадебного пруда, сидела крупная черная ворона. Птица чистила перья, не подозревая об опасности.

— Не попадете, госпожа, — холодно констатировала Анна.

В ту же секунду Люси спустила курок. Оглушительный грохот ударил по ушам, комнату вновь заволокло едким сизым дымом. Когда пороховая пелена немного рассеялась, женщины увидели, как ворона, испуганно каркнув, тяжело взмахнула крыльями и невредимой улетела прочь, скрывшись за голыми верхушками деревьев.

Люси с яростью опустила ружье и, повернувшись к племяннице, со злобой процедила:

— Накаркала! Идите прочь!

— Вам пришло письм… — начала было Анна, протягивая конверт.

— Я сказала, пойдите вон! — взвизгнула тетка, брызгая слюной. — Видеть никого не желаю!

Анна лишь пожала плечами.

«Ну, как хотите, госпожа», — подумала она, разворачиваясь и выходя из гостиной.

Остановившись в пустом коридоре у изразцовой печи, в которой весело потрескивали дрова, Анна без колебаний сломала сургучную печать. Развернув хрустящий лист бумаги, она пробежалась глазами по строкам, выведенным ровным, убористым почерком. Это было письмо от Мелании.

«Милостивая государыня матушка!

Почтительнейше спешу уведомить Вас, что приготовления к моему грядущему венчанию близятся к своему счастливому завершению. Однако же мой будущий супруг, господин поручик Дмитрий Орлик, изъявил твердое и непреклонное желание лично осмотреть усадьбу, приобретенную Вами и покойным батюшкой Валерием. Господин поручик желает воочию удостовериться в исправности счетов и сохранности той части состояния, что причитается мне в качестве приданого.

Сим извещаю, что мы прибудем в имение третьего октября к полудню. Смею надеяться, что Вы изволите привести все расчетные книги и дела в надлежащий порядок к нашему приезду. Не утруждайте себя пышными встречами, ибо визит наш носит характер сугубо деловой и строгий.

Остаюсь Ваша покорная дочь,

Мелания».

Анна оторвала взгляд от письма. В уме быстро пронеслись расчеты.

— Через три дня будут гости… — едва слышно прошептала она, и уголки ее губ поползли вверх в леденящей, расчетливой улыбке. — Жаль, Люси будет не готова.

Плавным, неторопливым движением Анна смяла плотную бумагу в комок. Она открыла чугунную дверцу печи и бросила письмо прямо в прожорливое пламя. Желтые языки огня мгновенно охватили сухую бумагу, обращая угрозу, о которой так и не узнает тетка, в серый, невесомый пепел.

С тяжелым, дурманящим осадком от выкуренной папиросы и сожженного письма Анна вернулась к своей пристройке. Еще издали она заметила, что перекошенная дверь, которую она точно закрывала за собой, теперь приоткрыта. Тревога ледяными иглами кольнула сердце.

Девушка резко распахнула дверь, шагнула внутрь и замерла. От представшей перед ней душераздирающей картины у нее перехватило дыхание.

Прямо на ее кровати, выгнув спину дугой, сидел тот самый облезлый рыжий кот. Выпустив кривые острые когти, животное с мерзким, скрежещущим звуком точило их о холст ее свадебного портрета, лежащего на одеяле.

Ярость мгновенно затопила сознание Анны.

— Пошел вон! — истошно, срываясь на визг, закричала она.

Ее рука наощупь схватила с ближайшего столика тяжелый медный канделябр. С неженской силой она швырнула его прямо в животное. Металл со звоном врезался в стену в дюйме от кота. Испуганно взвизгнув, рыжий пакостник кубарем скатился с кровати и выбежал из комнаты, прошмыгнув мимо ног Анны.

Не обращая на него внимания, девушка бросилась к кровати и упала на колени перед холстом. Ее трясло. Дрожащими пальцами она провела по картине. На краске остались глубокие царапины, а на нарисованной одежде Игоря и ее собственном платье зияли россыпью мелкие, сквозные точки от острых когтей. Единственное, что связывало ее с мужем, было изуродовано.

Гнев, подпитанный недавними словами тетки, выплеснулся наружу. Анна вскочила на ноги и выбежала из пристройки. В коридоре она едва не сбила с ног Люси, которая, услышав крик и грохот, спешила на шум. Грубо, совершенно не по-родственному растолкав опешившую барыню плечами, Анна ворвалась в гостиную, сорвала со стены тяжелое охотничье ружье и выскочила на крыльцо.

На улице уже заморосил мелкий, холодный осенний дождь. Сбежав по ступеням, Анна хищно завертела головой и заметила рыжего кота — тот, прижав уши, неспешно трусил в сторону небольшого леска, примыкающего к усадьбе. Девушка вскинула тяжелый приклад к плечу, пытаясь поймать рыжее пятно на мушку.

В этот момент на крыльцо выскочила Люси. Поняв, что происходит, барыня вдруг не стала ругаться. В ее глазах блеснул азартный, одобрительный огонек. Она подбежала к Анне, мягко, но властно перехватила ствол ружья и опустила его вниз.

— Зарядить надо, госпожа, — произнесла Люси с какой-то странной, пугающей почтительностью, словно признавая в племяннице ровню.

Люси действовала ловко и быстро. Привычными движениями она засыпала порох, загнала пулю, утрамбовала заряд шомполом и, взведя курок, вложила смертоносное оружие обратно в руки Анны.

Девушка вновь прицелилась. Но кот, словно почуяв неладное, вдруг ускорился, переходя на бег.

— Стреляйте перед ним! — скомандовала Люси над ее ухом.

Анна сжала зубы и с силой нажала на спуск. Раздался оглушительный грохот. Но девушка, никогда прежде не державшая в руках ничего тяжелее пялец, не была готова к чудовищной отдаче охотничьего калибра. Приклад больно ударил в плечо, и тяжелое ружье просто вырвалось из ее ослабевших рук, с лязгом упав вниз

Сквозь рассеивающийся дым Анна увидела, как невредимый кот, спасаясь от грохота, скрылся в густых зарослях леска.

— Быстрее заряжайте, Люси! — в исступлении крикнула Анна, поднимая грязное ружье и впихивая его в руки тетки.

Пока барыня лихорадочно орудовала пороховницей, Анна сгорала от нетерпения. Выхватив наконец готовое оружие, она тут же бросилась под усиливающийся дождь, направляясь к деревьям.

— Не намочите ружье, госпожа! — крикнула ей вслед Люси.

Оставив Анну у кромки леса, барыня развернулась и тяжело побежала обратно в дом. Спустя минуту она вернулась, неся в руках два плотных суконных плаща. Люси нагнала племянницу уже среди деревьев и заботливо, словно мать, накинула ей на плечи тяжелую, не пропускающую воду ткань. Сама она тоже закуталась в плащ.

Дождь тем временем превратился в настоящий ливень. Крупные капли с шумом били по листве. К их счастью, густые кроны старых деревьев забирали половину влаги на себя. Чтобы

не замочить порох, Анна бережно спрятала ружье под полы плаща, прижимая холодный ствол к груди, и крадучись двинулась вглубь зарослей.

Они искали недолго. Вскоре Анна замерла и подняла руку, призывая Люси к тишине. Под широким, раскидистым кустом лещины, спрятавшись от ливня, лежал рыжий кот. Он свернулся клубком, мирно закрыл глаза и, казалось, даже не подозревал, что смерть стоит всего в нескольких шагах от него.

Анна медленно, стараясь не шуметь, извлекла ружье из-под плаща. Она подняла ствол, упирая приклад в ноющее плечо. Палец лег на спусковой крючок. В прицеле четко виднелся спящий рыжий бок — промахнуться было невозможно. Внутри нее боролись ярость хищника и остатки человеческого милосердия.

Люси подошла вплотную.

— Ну же, стреляйте, госпожа! — нетерпеливо прошипела она.

Анна тяжело дышала. Она смотрела на беззащитное спящее животное, и отступивший гнев сменился глубокой печалью, заставившей её опустить ружье. А затем она, стиснув челюсти, резко вскинула ствол и выстрелила в пасмурное небо.

Сноп искр и пороховой дым ударили в мокрые ветви. Кот в ту же секунду вскочил как ужаленный и быстро исчез в темной глубине леса.

Оглушающая тишина, нарушаемая лишь шумом дождя, накрыла лес. Пылкость, державшая Анну на ногах, внезапно испарилась. Силы покинули ее. Она безвольно облокотилась спиной на толстый ствол старого дуба и медленно сползла вниз, прямо на мокрую землю. Закутанная в тяжелый плащ, она сидела в грязи, крепко прижимая к себе разряженное, дымящееся ружье.

Люси не стала ругаться или упрекать ее за промах. В этот момент барыня проявила несвойственную ей мягкость. Она подошла, наклонилась и аккуратно, без лишних слов забрала тяжелое оружие из ослабевших пальцев племянницы.

— Пойдемте в дом, госпожа, — тихо, почти ласково произнесла Люси. — Выпьем горячего чаю.

Она протянула свободную руку и помогла Анне подняться на ноги. И так, бок о бок, поддерживая друг друга, две женщины под проливным осенним дождем медленно побрели обратно к усадьбе.

Мокрые, продрогшие до костей, Анна и тетка наконец переступили порог усадьбы. Люси тут же сбросила тяжелый суконный плащ на руки подбежавшей девке и властно отдала наказ: живо согреть самовар и подать горячего чаю в столовую.

Женщины прошли в комнату и уселись за большой дубовый стол. На другом его конце, уткнувшись лицом прямо в развернутую вчерашнюю газету, безмятежно спал Степан Геннадьевич, тихо посапывая во сне.

Вскоре суетливая дворня внесла поднос с пыхтящим чайником и чашками. Анна обхватила горячий фарфор озябшими пальцами, сделала аккуратный глоток и, подняв глаза на тетку, искренне произнесла:

— Благодарю вас, госпожа Люси. За то, что укрыли меня от дождя.

Люси пренебрежительно отмахнулась, шумно отхлебывая из своей чашки.

— Бросьте. Если бы вы слегли с горячкой, то кто бы мне читал эту книжонку про купца?

Барыня перевела тяжелый взгляд на спящего фаворита. Резким, бесцеремонным движением она выдернула смятую газету прямо из-под его лица.

— Вставайте! — громко скомандовала она. — Довольно вам спать. Пейте чай.

Степан вздрогнул, едва не ударившись носом о столешницу. Он недовольно потер заспанное лицо и мутным, ничего не понимающим взглядом уставился на насквозь промокших женщин.

— Может, сыграем партию в карты на троих? — с невинной полуулыбкой предложила Анна, ставя чашку на блюдце.

— И думать забудьте, — отрезала Люси, брезгливо сморщив нос. — Не люблю я это дело. Вечно меня дурят, выставляя сущей дурехой.

Анна перевела лукавый взгляд на унтер-офицера:

— А вы, Степан Геннадьевич? Как насчет того, чтобы продолжить нашу игру?

Степан, окончательно проснувшись и вспомнив свой недавний позор, криво усмехнулся:

— Мне нужно будет уладить некоторые дела прежде этого.

Затем он потянулся через стол, мягко положил свою широкую ладонь поверх руки Люси и заговорил вкрадчивым, низким голосом:

— Моя милая Люси… Я сейчас видел такой сон, от которого мои волосы ежика встали дыбом.

Степан наклонился к самому ее уху и начал что-то жарко и многозначительно шептать. Люси тут же зарделась, кокетливо прикрыла рот пухлой рукой и, игриво оттолкнув его в плечо, засмеялась:

— Ох-хох-хох, Степан Геннадьевич! Вы чего же такое рассказываете прямо за столом!

Степан медленно поднялся, морщась и осторожно поглаживая свою больную грудь через рубаху.

— Пойдемте, госпожа, — с лукавой улыбкой промурлыкал он, — я вам всё расскажу.

Анна с брезгливым отвращением и одновременно с изрядной долей забавности проводила взглядом эту нелепую парочку. Старая, разомлевшая львица и наглый молодой ежик, ковыляющий рядом.

Когда их шаги стихли в коридоре и дверь барской спальни плотно закрылась, Анна осталась в столовой совершенно одна. Она неспешно попивала обжигающий чай и задумчиво смотрела в потемневшее окно, за которым продолжал неистово лить осенний ливень и раскатисто гремел гром, неумолимо отсчитывая время до приезда незваных гостей.

Анна, оставшись в одиночестве, от скуки потянулась к смятой газете, оставленной Степаном. Неспешно допивая уже остывший, терпкий чай, она принялась лениво скользить взглядом по серым столбцам.

На страницах царила невыносимая провинциальная скука и рутина. Некий молодой барин Даниил Колобанов через газету страстно желал приобрести молодую, красивую лошадь. Чуть ниже какой-то купец Глеб Борисович предлагал к продаже хлеб по весьма низкой цене, зазывая новых покупателей. Следом пестрело витиеватое объявление обрусевшего пекаря Владислава Пеллетье, который расхваливал свои свежие французские булки; как было торжественно напечатано в газете, каждая из них «непременно и обязательно должна хрустеть».

За прочтением этих бессмысленных торговых сводок время пролетело незаметно. За окном окончательно стемнело, и густые, черные сумерки затопили столовую. Анна чиркнула кресалом и зажгла восковую свечу, поставив её в центр стола. За мутным стеклом продолжал монотонно шуршать дождь — уже не бушующий ливень, а тоскливая, затяжная осенняя морось.

Дверь тихо скрипнула, и в комнату бесшумной тенью скользнул Степан. Он медленно, стараясь не делать резких движений, подошел к стулу напротив Анны и предельно аккуратно опустился на сиденье, чтобы не потревожить ноющие ребра.

Лицо фаворита тётки было серьезным. Он сунул руку в карман, достал небольшой мешочек и выудил оттуда простую, но довольно массивную золотую цепочку. С легким звоном металл лег на дубовую столешницу.

— Будем считать это за десять рублей, — ровным тоном произнес он, глядя на Анну.

Девушка посмотрела на тускло блеснувшее в свете свечи золото, затем перевела взгляд на унтер-офицера. Отложив газету в сторону, она с легкой, снисходительной улыбкой покачала головой:

— Степан Геннадьевич, вы совершенно не смыслите в ценности золота.

Степан упрямо сжал челюсти.

— Тогда назначьте цену сами.

— Не стоит, — Анна грациозно повела плечом, не сводя с него спокойных зеленых глаз. — Я согласна.

Степан достал из-за пазухи знакомую засаленную колоду карт. Придвинувшись чуть ближе к свету свечи, он начал медленно, нарочито тщательно их тасовать, не спуская с Анны подозрительного, колючего взгляда.

— Сегодня мешать буду я, — с нажимом произнес он, давая понять, что больше не потерпит никаких вчерашних фокусов.

Анна лишь кротко улыбнулась, изящно сложив тонкие руки на столе.

Степан тасовал колоду долго, морщась при каждом неосторожном движении, но не сводя с Анны подозрительного, колючего взгляда.

— Сыграем три партии, — глухо произнес он. — До двух побед.

— Как вам заблагорассудится, сударь, — кротко согласилась Анна, откидываясь на спинку стула.

Первую партию Анна играла рассеянно, больше наблюдая не за своими очками, а за движениями Степана. Он сдавал напряженно, почти прижимая карты к груди. И тут, в дрожащем свете свечи, Анна заметила то, что искала. Степан играл «своей» колодой. На рубашках самых крупных карт, в запутанном узоре завитков, виднелись небольшие потертости. Крап. Грубый, кабацкий, но действенный.

Степан вскрылся, снова показав победные двадцать очков. Анна с притворным вздохом признала поражение и сбросила свои карты в отбой. Но в тот момент, когда ее ладонь накрыла сброс, длинные, натренированные отцом пальцы сделали свое дело. Одно неуловимое движение — и обычная шестерка, мягко скользнула в рукав ее платья, затаившись в складках ткани. Степан, празднуя первую победу, ничего не заметил.

Вторую партию Анна выиграла честно, собрав девятнадцать очков против жалких пятнадцати унтер-офицера. Счет сравнялся. Напряжение в полутемной столовой стало осязаемым.

Настал решающий кон.

Степан сдал карты. Анна посмотрела на свои: девятка и шестерка. Пятнадцать очков.

— Еще одну, — ровным тоном скомандовала Анна.

Степан с готовностью положил палец на верхнюю карту колоды. Его взгляд на долю секунды скользнул по ее рубашке. Он прочитал свой собственный крап: там лежала десятка.

Степан бросил карту на стол перед Анной.

В ту же секунду Анна накрыла ее ладонью, подтягивая к своим картам. Это был тот самый момент, ради которого отец заставлял ее часами сидеть перед зеркалом. Никаких резких рывков. Движение было плавным, тягучим, как перетекание воды. Выданная Степаном десятка бесшумно ушла в рукав, а спрятанная ранее шестерка заняла ее место на столе.

Анна перевернула карты.

— Двадцать одно, — с милой, безмятежной улыбкой произнесла она. — Я победила. Снова.

Степан подался вперед, не обращая внимания на стрельнувшую в ребрах боль. Его глаза расширились, уставившись на открытую шестерку. Разум унтер-офицера отказывался верить в происходящее. Он точно знал, что сдал ей десятку! Он видел свою метку! Опять двадцать одно!

Степан открыл рот, чтобы выкрикнуть обвинение, но слова застряли в горле. В его глазах вспыхнуло осознание собственного бессилия. Если он сейчас скажет: «Это не та карта, я сдавал

десятку!», эта хитрая москвичка тут же спросит: «А откуда вам знать что за закрытой картой, Степан Геннадьевич? Уж не крапленой ли колодой вы изволите играть?».

Он сам загнал себя в капкан. Он был пойман на собственном шулерстве, не имея ни единого шанса доказать ее вину. Его, профессионального игрока, обыграли как мальчишку.

Бессильная ярость, смешанная с дикой физической болью, затопила его сознание. С глухим, звериным рычанием Степан со всей силы ударил здоровым кулаком по дубовой столешнице.

От резкого сотрясения тяжелый медный подсвечник покачнулся и с грохотом рухнул на стол. Горящая свеча вывалилась и покатилась прямо на раскрытую газету. Сухая бумага вспыхнула мгновенно, озарив перекошенное от гнева лицо Степана ярким, тревожным светом.

Анна не издала ни звука. Не меняясь в лице, она просто опустила свою голую ладонь прямо на полыхающий лист бумаги, с силой прихлопнув пламя.

Столовая мгновенно погрузилась в непроглядную тьму.

В этой черной тишине Анна услышала резкий грохот отодвигаемого стула, а затем тяжелый, сбивчивый топот сапог — Степан, задыхаясь от унижения и боли, трусливо сбежал из комнаты.

Не торопясь, Анна нащупала в темноте кресало. Вспыхнула искра, и маленький язычок пламени неохотно занялся на помятом фитиле. Комната была пуста. Лишь на столе, рядом с черным, обгоревшим пятном на газете, тускло поблескивала оставленная Степаном золотая цепочка.

Анна молча взяла со стола оплывшую свечу, подцепила пальцами холодные звенья золотой цепочки и неспешно покинула столовую. Она шла по темным, остывшим коридорам усадьбы, слушая, как за окнами продолжает монотонно шуметь осенний дождь.

Зайдя в свою холодную пристройку, девушка первым делом поднесла дрожащий огонек к фитилям тяжелого медного канделябра. Комната постепенно наполнилась мягким, желтоватым светом, отгоняя густые тени по углам. Золотую цепочку — свой новый трофей — Анна опустила в небольшую шкатулку, положив её к тем самым серебряным рублям, что выиграла у Степана накануне.

Она бессильно опустилась на пуф перед старым, потускневшим зеркалом и начала распускать волосы. Внезапно её взгляд замер. Там, в мутном зазеркалье, позади её собственного уставшего отражения, виднелась кровать. Во мраке комнаты на ней белело пятно холста.

Анна медленно встала и подошла к постели. Свадебный портрет, изуродованный рыжим котом, лежал там, где она его оставила. Девушка протянула руку и кончиками пальцев, провела по шероховатой поверхности порванного полотна. Глубокие борозды от когтей рассекали нарисованную ткань платья и перечеркивали лица. Боль утраты, приглушенная дневной пылкостью, снова кольнула сердце. Не в силах больше смотреть на эти руины своей прошлой жизни, Анна взяла край плотного шерстяного одеяла и накрыла им картину, словно пряча покойника.

Скинув повседневное платье, она переоделась в простую белую ночную сорочку. Анна уже расправила край постели, свободный от спрятанного портрета, и готовилась ко сну, когда дверь пристройки тихо скрипнула.

На пороге стояла Люси. Старая барыня была облачена в громоздкий спальный чепец и необъятный халат. В руках она крепко сжимала ту самую потрепанную книжицу.

— Вы сегодня так и не почитали мне про купца Ивана, — сварливо, но без привычной злобы произнесла тетка, переступая порог.

Анна покорно вздохнула. Она уже собралась было подняться с кровати, чтобы взять книгу и устроиться у свечи, но Люси вдруг выставила вперед правую руку, останавливая её.

— Лежите, лежите, — проворчала барыня, неуклюже подтягивая к кровати тяжелый деревянный стул. — Несправедливо это, в конце концов. Всё вы мне читаете да читаете, голос срываете. В этот раз я сама могу вам почитать.

Анна удивленно моргнула, не веря своим ушам. Впервые за всё время пребывания в этом доме старая львица проявила к ней нечто, отдаленно напоминающее заботу. Девушка послушно кивнула, откинулась на подушки и улеглась поудобнее, натянув одеяло до подбородка.

Люси поправила на переносице очки с толстыми стеклами, придвинула книгу поближе к неровному свету канделябра и, прокашлявшись, начала читать своим грузным, хрипловатым голосом:

«Воротившись под сень отчего крова изломанным, но чудом избежавшим московской петли, пал молодой Иван ниц пред своим суровым батюшкой. Горькими слезами омывал он сапоги родителя, моля о прощении за буйство ушкуйничье и клянясь отныне служить роду верой и правдой. Дрогнуло сердце старого купца; узрев искреннее и глубокое покаяние блудного сына, он сменил гнев на милость. Поднял он Ивана с колен и порешил самолично наставить его на путь истинный, обучая премудростям честного торга да тайным знаниям варения хмельного меда.

С великим рвением взялся юноша за науку. Батюшка водил его по шумным торговым рядам Великого Новгорода, учил распознавать добротный товар, вести счетные книги и чинно держать слово купеческое перед иноземными посланниками. Прикинувшись честным торгашом, Иван быстро перенял отцовскую хватку, и дела их пошли в гору, так что сам он всерьез уверовал, будто купечество — и есть его истинная стезя в этой жизни. В лавках Шестаковых множилось серебро, а погреба полнились отборным зерном да пушниной.

Обаче слаб человек пред искушением, а горячая кровь Ивана не терпела долгого и размеренного покоя. Когда богатство стало казаться привычным, в душу юноши закралась алчность, нашептывая, что хитростью можно нажить злато куда быстрее, нежели праведным трудом. Стал он понемногу лукавить: где на весах обвесит, где товар похуже за первый сорт выдаст. Добрая слава о Шестакове-младшем в народе стала быстро меркнуть и вскоре и без того дышала на ладан.

Роковой же час пробил, когда прибыл в Новгород богатый заморский гость. Погорел Иван на том, что умыслил обмануть одного ганзейского немца, чая сорвать с иноземца великий куш. Сговорившись о продаже ценной пушнины, коварный Шестаков спрятал в большом тюке с доброй, отборной белкой целую партию гнилых, никудышных шкур. Иван надеялся, что спесивый чужеземец лишь сверху оглянет товар да и отсыплет полновесных монет.

Да только немец тот оказался человеком зело дотошным и, на беду обманщика, порешил самолично перебрать весь купленный товар до единого клочка. Когда гниль предстала пред очами заморского гостя, поднялся небывалый скандал. Возмущенный немец призвал других купцов в свидетели сего бесчестия. Узнав о таком подлом обмане, который ложился позорным пятном на весь новгородский торг, местные барышники и посадский люд пришли в неописуемую ярость. Схватив палки да топоры, разъяренная толпа двинулась к лавке Шестакова, желая учинить над ним скорый и жестокий самосуд прямо на месте.

Услышав гневный рев толпы, Иван понял, что оправдания здесь не помогут и пощады не будет. Пришлось ему бросить и товар, и отцовскую лавку, и в спешке спасать свою шкуру, не дожидаясь праведного суда. Под покровом надвигающейся ночи, скрываясь дворами да глухими переулками от рыщущих в поисках него обозленных торговцев, он тайком выбрался за городские стены.

Без гроша за душой, гонимый страхом неминуемой расправы, устремил он свои стопы на запад. Сперва бежал Иван в Ливонию, ища укрытия в чужих землях. Там, в суровых владениях Ливонского ордена, великому в будущем мореплавателю довелось хлебнуть немало горя. Чтобы не умереть с голоду и не быть узнанным, он устроился служить в одной местной таверне, где за миску похлебки и кружку пива сочинял для захмелевших посетителей стихи и песни. В

те горькие, но поучительные лета беглый новгородский купец прослыл в народе чудаковатым ливонским запевалой».

Люси захлопнула потрепанную тетрадь и сдернула с носа очки.

— Ну и дурак этот Шестаков! — заявила она, возмущенно блестя глазами. — Я всегда говорила, что купцы — самые алчные и жадные люди на свете. Поделом ему!

Анна, чьи глаза уже давно слипались от усталости и пережитого за день напряжения, лишь тихо вздохнула. Она медленно перевернулась на другой бок, плотнее кутаясь в теплое одеяло.

— Доброй ночи, тётушка, — сонно пробормотала она, почти не размыкая губ.

Барыня тяжело поднялась с деревянного стула, прижимая книгу к груди.

— Доброй ночи, моя дорогая, — непривычно мягко ответила Люси, глядя на засыпающую племянницу.

Она грузно прошагала к выходу, и тяжелая дубовая дверь за ней тихо затворилась, отрезав холодную пристройку от остального дома. Оставшись в одиночестве, Анна нащупала под одеялом жесткие края спрятанного холста. Она крепко прижала к груди свой свадебный портрет и, баюкая его во мраке ночи, окончательно погрузилась в глубокий сон.

Глава 6Госпожа-сквернословка

Анна неподвижно лежала на своей жесткой, скрипучей кровати. На ее коленях покоился изуродованный свадебный портрет. Тонкие, бледные пальцы раз за разом бережно и с затаенной скорбью поглаживали изорванный когтями холст, словно пытаясь унять его боль.

«Сколько же будет стоить реставрация?» — тоскливо думала Анна, вглядываясь в глубокие борозды на холсте.

В ее шкатулке лежали десять серебряных рублей и увесистая золотая цепочка. Но для истинного мастера, способного вернуть к жизни безнадежно испорченную картину, эта скудная сумма покажется сущей насмешкой. Ни один уважающий себя живописец даже не взглянет на такие крохи.

Как же добыть недостающее? Снова усадить Степана за карточный стол? После вчерашнего унижения унтер-офицер стал осторожен, как битый пес. Или, быть может, переступить через гордость и попросить денег у тетушки? Лед между ними, казалось, наконец-то дал трещину и начал таять после того, как они бок о бок вымокли под проливным дождем.

Мысли о картах невольно вернули ее к отцу. Передача этого темного, шулерского умения, парадоксальным образом оказалась единственным лучиком света, единственным полезным наследием, которое оставил после себя этот беспутный человек. Интересно, знает ли он вообще о ее замужестве? Интересовался ли хотя бы через дальних родственников о том, как сложилась судьба его единственной дочери? Если да, то через кого он мог спрашивать? Матушка уже очень давно не получала от него ни единой весточки. Дед и бабка со стороны отца, не снеся публичного позора, казалось, бесконечно отдалились от них, оборвав все связи.

Дядя Юра? Брат отца… Анна нахмурилась, вспоминая. Вряд ли бы он стал поддерживать общение с оступившимся братом, хотя раньше, когда дядя еще был признанным мастером…

Дядя Юра! Девушка даже слегка приподнялась на локтях. Ну конечно! Вот кто мог бы помочь ей с портретом. Правда, он давно забросил свое ремесло, отдалился от света и прослыл затворником. Человек он был циничный, желчный, вечно насмешливый, но Анна из детства помнила, что в самой глубине души он оставался невероятно добрым и проницательно-умным. К тому же, в нем текла родная кровь. Попытаться стоило: он просто не сможет отказать родной племяннице, оказавшейся в такой беде.

Приняв решение, Анна спустила ноги с кровати. Не желая лишний раз тревожить изорванное полотно, она не стала вынимать его из чужой деревянной рамы. Старательно обернув картину в кусок плотной ткани, она крепко прижала этот массивный груз к груди и вышла из своей сырой пристройки.

Пройдя по тихим коридорам, Анна заглянула в гостиную и замерла на пороге. От представшей перед ней картины ее брови удивленно поползли вверх.

Люси вальяжно раскинулась в глубоком бархатном кресле. В одной руке барыня держала наполовину осушенный бокал с красным вином, а в другой — тонкую, дымящуюся папиросу. Сизый табачный дым густым облаком висел под потолком, смешиваясь с запахом алкоголя.

— Тетушка, вы курите? — вырвалось у Анны прежде, чем она успела себя одернуть. — Это ведь решительно неприемлемо для дамы вашего положения.

Люси невозмутимо поднесла папиросу к губам, сделала глубокую затяжку и медленно, с наслаждением выпустила струйку дыма.

— У моей подруги был сын… юродивый, — вдруг начала барыня глухим, размеренным голосом, совершенно проигнорировав замечание племянницы. — Жалкое, несуразное создание. У него были длинные, вечно неопрятные, кучерявые волосы и нелепые, неуклюжие усики под носом. И знаете, Анна, у него была одна странность: он всегда ходил, крепко сложив руки за спиной. Признать

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.